



ИРИНА
КРИЦКАЯ

ИСТЕРИЧКА

Постель – это единственное место, где человека
можно узнать за пятнадцать минут

Ирина Львовна Крицкая Истеричка (сборник)

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17192683
Крицкая, Ирина Львовна. Истеричка: Издательство «Э»; Москва; 2016
ISBN 978-5-699-82075-7*

Аннотация

Мне сказали, что я истеричка. Потому что устроила дебош за столом. И я действительно устроила, но исключительно в мирных целях. Но у нас ведь как в народе повелось? Чуть где какая баба завизжала, про нее сразу говорят – истеричка. Не про нервно-больную говорят, а про обычную женщину, для которой истерика – единственный выход из замкнувшегося круга проблем и страданий. Мир не любит детей и женщин, как бы ни пиарил он обратное. Воплями, битьем посуды и прочими выкрутасами иногда только и можно доказать свое право на существование.

В общем, я решила создать серию портретов: женщины в момент истерической реакции. Я сколотила компанию из веселых бабенок, они все разные, но их объединяет одно – хотя бы раз в жизни каждая устраивала истерику.

Содержание

Розовая кофточка	5
Мадонна в гипсе	12
1	12
2	14
3	16
4	19
5	21
6	24
7	26
8	29
9	32
10	35
11	38
12	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Ирина Крицкая

Истеричка

© Крицкая И., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Розовая кофточка (Вместо предисловия)

Мне сказали, что я истеричка. Потому что я устроила дебош за столом. У нас ведь как в народе повелось? Чуть где какая баба завизжала, про нее сразу говорят – истеричка.

Ха! Ха! Ха! – вот что я думаю по этому поводу.

Да, покричала я немножко, разбила один стакан, но всем после этого только легче стало. И веселее. Никого я не лупила, никого не оскорбляла, просто сняла напряжение. И, кстати, не только свое.

Это случилось на дне рождения Танечки, сестры моего мужа. Гостей за столом было много, поэтому на всякий случай объясню: у меня есть муж, у него сестра Танечка. Ей исполнилось тридцать пять, и она пригласила друзей. Среди них была девушка в розовой кофточке. Вот она мне в лицо и провизжала: «Истеричка!» Нет, не так. «Ты что? – она закричала. – Истеричка?!» Сомневалась, значит, на подсознательном уровне. И правильно, это еще нужно посмотреть, кто из нас истеричка.

А что уж такого я сделала? Метнула в розовую кофточку бокал вина, красного. При этом я была абсолютно спокойна. Потому что помню – красное вино не отстирывается, так что целилась я аккуратно в кофточку, чтобы не обрызгать других гостей. И все были счастливы! Все были довольны, все хотели сделать то же самое, но стеснялись.

А началось все чудесно. Белый стол в белом зале, окна в сад... Октябрь, хризантемы, теплый вечер – отдыхай и радуйся! И яблоки тебе в траве валяются, и капли с голых веток падают, и бабочки стеклянные горят. В торт поставили свечи, тридцать пять свечей воткнули в торт, и всем гостям лет было примерно по столько же...

До поры до времени розовая кофточка сидела тихо, если не считать странный тост, который она пыталась произнести.

«Не волнуйся, – говорила она Танечке, имениннице, – у тебя еще все впереди. Не грусти, что годы проходят. Зато теперь все свои неудачи ты сможешь превратить в бесценный опыт. Главное, не забывай, что мы все тебя очень любим. И я, твоя лучшая подруга...» Это было еще не все, дальше начались искренние пожелания. Прибавления в семействе, помню, она пожелала, «в кратчайший срок, а то время идет, ты смотри – не откладывай».

Мы с любезным папочкой, с моим свекром, отцом соответственно именинницы, друг другу подмигнули, и он прервал эту трансляцию громким выстрелом. Шампанское открыли, фужеры зазвенели. «Поздравляем! Поздравляем!» – мы засмеялись оживленно, так что беду на какое-то время удалось отвести.

Я, прошу заметить, с гостьей в розовой кофточке в прямой контакт не вступала. Я вела себя прилично, любезничала с этим самым папочкой... Кстати, он сказал, что хочет подарить мне бассейн. Так прямо и сказал: «Рыбка моя! Всю ночь не спал, все думал, как тебя порадовать, и вот под утро был мне голос: «Встань, возьми постель свою и подари Ирочке, снохе своей, настоящий бассейн». А я поверила, я до сих пор мужчинам верю. К сожалению, нас прервал один дальний родственник. Он подошел, заглянул ко мне в декольте и начал стонать: «Какие глаза! Я хочу выпить за эти прекрасные глаза!..» Это все само по себе не так уж и важно, но в качестве алиби сгодится. Сейчас вы увидите – не я все это начала.

Мужчины и дети вышли на улицу подышать перед тортиком, а девушки остались за столом и лепетали о всякой ерунде, о детях, о мужьях, о шмотках, о рецептах, и, как всегда, от таких разговоров мне захотелось есть. Наступил тот святой момент, когда у меня просыпается аппетит. Он всегда просыпается в конце вечера, у нас в семье все об этом знают и никогда не лезут под руку. В общем, я дозрела и посмотрела на гуся.

Гусь, запеченный с черносливом и грушами, уже ополовиненный, лежал на блюде. От него пахло медом и бараниной. Я взяла тарелку и приглядела себе кусочек. Все дамы за столом признались, что вообще-то побаиваются гусей и сами готовить их не умеют, но этот!.. Этот оказался шедевром, и все спросили у именинницы, да, да, у Танечки, сестры моего мужа, все спросили: а как же так ей удалось? И она, хотя и с неохотой, начала выдавать им тайны приготовления гусятины.

Я положила себе кусок этой птицы и пару печеных груш. Мне было все равно, как приготовлен гусь, я не собиралась повторять чужие подвиги и теорию гуся не слушала. Я налила вина и приступила к практике. Гусь удался, мясо таяло, кислила грушка, вино добавляло терпкости... Мне было не то что вкусно, мне было «О! Как вкусно!». И тут за стол явилась эта прелесть в розовой кофточке.

До сих пор она крутилась у рояля. Хозяин дома, муж Танечки, именинницы, подбирали романс. Он любит русские романы, русские поля, русских борзых, русских женщин, русскую охоту, как многие татары. Ну... так случилось, что уж теперь поделаешь, зять у нас татарин, но к теме это не имеет отношения, так просто... наболело.

И вот он подбирает свое любимое: «Я уеду, уеду, уеду». А розовая кофточка подпевала ему, чистенько, высоко: «Не держи, ради бога, меня». Он перебирал, перебирал по черным и по белым, двумя пальцами и даже четырьмя, а розовая кофточка качала рядом бедрами своими стройными, точеными своими бедрами качала и восхищалась: «Ах, какая чудесная музыка!» Кстати, хронические истерички склонны к восклицаниям.

Я облизнулась. «Прелестный вечерок, – думаю, – окно блестит, луна сияет, гусь ароматит, и рояль...» И вдруг свернули музыку, хозяин дома выдумал стрелять из арбалета, татары любят из арбалета, а розовая кофточка пришла и села напротив меня.

– Ирочка! – она сказала. – А ты чего так поправилась? А? Прямо заметно поправилась.

Вот только села и сразу начала задавать вопросы. Танечка, именинница, конечно, вздрогнула и тревожно на меня посмотрела. Да, каюсь, каюсь, я люблю поколотить посуду, но это был не тот случай. Она мне говорит «поправилась» – а я и бровью не повела, гусь был у меня на первом плане.

Тогда эта умница в розовой кофте повторила еще раз:

– Да, да, да, Ирочка, поправилась, поправилась! Я тебя видела год назад. Ты была лучше! Ты сколько прибавила? Килограмм, наверно, пять? Не меньше. А то и все восемь! Точно! Я же вижу, наверняка не меньше восьми. И всего за год? Что с тобой случилось?

Девушки замолчали. Отложили свои вилки, тарелки и ждут. А розовая кофточка строго покачала маленькой аккуратной головкой, у нее, кстати, все аккуратное, что тоже не очень хороший признак.

– Нет, нет, нет... Лишний вес тебе не нужен. Давай, давай скорее все скидывай обратно.

Я не ответила. Ни единым словом. Я огляделась в поисках острого соуса. Может, это было и лишнее, но мне захотелось добавить в свое блюдо острый красный соус.

– Как гусь? – спросила именинница и на всякий случай пересела от меня подальше.

– Очень! – говорю.

– А какой будет торт...

Танечка улыбнулась, немножко натянуто, у нее появились предчувствия.

– А я завтра попробую торт, – сказала розовая кофточка. – Сегодня в меня уже ничего не влезет. Я давно привыкла кушать понемногу. Нужно только начать, – она мне кивнула, – да, Ира, да. Себя нужно заставить. И ты не пожале-е-ешь.

Торт в меня влезет, я даже в этом не сомневалась. Сначала кусочек гуся, пару груш, а потом торт. Я люблю есть в конце банкета, во время общего застолья мне некогда, приходится с кем-то разговаривать, а в конце вечера можно чваниться над тарелкой неторопливо, и мне всегда вкуснее среди подвыпивших людей. И вот я приготовилась вкушать, вилочку

взяла, нож, а нож был и не нужен, мясо-то распадалось. Невероятно, но гусятина таяла, и только я настроилась – меня смутили.

Розовая кофточка опять ко мне пристала.

– Понимаю, понимаю, – говорит. – Толстеть легко, худеть трудно. А потому что возраст уже! – Она надавила, звонким своим голосочком: – Возраст! Это раньше денек на диете, и все в норме, а теперь за каждый кусочек придется попотеть. Но ты давай, давай, не тяни, начинай уже сбрасывать. В прошлом году ты была такая секси!

Обратите внимание на данный тезис. Бессвязный, лишенный смысловой нагрузки бред. И уже в нем хороший психиатр безошибочно заметит ряд особенностей, присущих хроническим истеричкам. Поверхностность суждений – налицо, склонность к фантазированию – есть, неустойчивость настроения – увидите скоро, стремление привлечь к себе внимание – однозначное. И плюс агрессия, немотивированная. Куда, спрашивается, ехать дальше? Люди! Люди! Кто пустил эту женщину в приличный дом?

Я с удовольствием взяла бы эту девку за ухо и выставила за дверь. Но она была не моей гостьей и не в моем доме. Поэтому я положила нож и спросила Танечку, хозяйку:

– Может быть, девушке нужно объяснить? Она, наверное, не в курсе, обычно у нас за столом одну и ту же глупость третий раз не повторяют.

– Не повторяют... – Танечка кивнула осторожно.

– А я повторяю, повторяю! – запрыгала розовая кофточка. – Вот если бы моя подруга честно мне сказала, что я поправилась, я была бы ей благодарна. Я сказала бы ей спасибо. Со стороны всегда заметнее. Ведь правда, девчонки? – она обратилась к собранию.

Девчонки промолчали, с тоской поглядывая на торт. Худеньких за столом не наблюдалось. Все, кроме розовой кофточки, были серьезные дамы. Девочки любили покушать, они умяли гусятину, расстегайчики я вообще не застала, и теперь за легким разговором они цепляли на вилку какую-нибудь вкусную безделицу, какой-нибудь несчастный ломтик семги, кусочек сыра и заодно оливочку, небрежно так, мимоходом ее нямс, и вином ее, одним глотком, под настроение. Девочки желали отдохнуть, они предвкушали пьяную вишню, а тут им заявили такую неаппетитную тему. «Че те надо?» – подумали все и уставились в тарелки.

Розовая кофточка ответа не дождалась и развлекалась сама с собой:

– Я думаю, лучше сказать человеку правду о его недостатках, чтобы он вовремя спохватился. Не обижайся, Ира. Я просто знаю, как легко набрать вес и как трудно держать себя в форме. Особенно после тридцати! Ну, я же помню, в прошлом году ты была вся такая супер...

Лично мне цели и задачи розовой кофточки были предельно ясны: девчонка хочет поплясать на чужой макушке, чтобы повысить свой уровень, понимаю – ей приспичило подкачать мораль. Зачем, почему она лезет ко мне на горбушку, кто ее в детстве обидел – о том я не знала, я видела розовую кофточку пару раз в год, исключительно в доме у Танечки. И только одно было мне неприятно в данной ситуации – торт на подходе, гусь тает, окно блещит, луна всей мордой улыбается, и вдруг какая-то розовая кофта ломает мне эстетику.

К столу подбежала девочка, собственная дочь розовой кофточки, девчонка начала что-то быстро шептать. Розовая кофточка поправила ребенку розовый бант и улыбнулась. Так добросовестно улыбнулась, как будто снималась для рекламы памперсов.

– Котенок! Что случилось?

Ничего не случилось, наверняка пришла ябедничать на моих детей. Дети играли в зале с роялем, и это был еще один повод для моего безграничного терпенья.

Я очень хотела вести себя прилично. Для того чтобы я вела себя прилично, необходимо обеспечить три простейших условия – меня обязательно нужно покормить. Но аппетит мне перебили, и что я могла гарантировать в таком случае? Ничего.

Но я пыталась и даже удалилась из-за стола. Решила дать розовой кофточке немножко времени, чтобы она прониклась и осознала. Гусь не убежит, я подумала и вышла в сад.

Мужчины стреляли в мишень. Она висела на старой груше, ее освещали луна и фонари. Мой муж и Танечкин начали соревнование до ста очков. Кто первый набирает, тот выиграл.

Мне тоже захотелось выпустить стрелу. Я попросила арбалет и мысленно поставила к черному стволу эту милую девушку в розовой кофточке. Я прицелилась и быстро, пока рука не дрогнула, отпустила стрелу. Моя стрела задребезжала на десятке. И какая же я после этого истеричка? Вы попробуйте, стрельните из спортивного арбалета в сумерках, да и еще при полной луне.

Нет, я не истеричка, я еще только учусь. Отрабатываю технику истерических манипуляций. У меня были хорошие учителя, к примеру, моя классная руководительница. Она была настоящим мастером истерики. Каждый раз, когда в школу наезжала проверка РОНО, наша любимая учительница усилием воли вызывала слезы на своем монументальном лице, хваталась за сердце и всей тушей с размаху бухалась в обморок. Прямо перед комиссией. Только инспектора в кабинет – она сразу в обморок. И после этого никто не совал нос в наш классный журнал. А журнальчик у нас был крапленый, наша классная рисовала там недостающие пятерки. Таким образом ей удалось наштамповать двенадцать золотых медалей. Хватило всем желающим. Мне перепало, да. Таких рекордов не ставила ни одна средняя школа. Это была самая лучшая учительница в нашем городе, она дурила все РОНО, как первоклассников. Потому что люди боятся громких криков, слез, разбитого стекла. И я их понимаю. Ну, страшно! Просто страшно иногда становится. И не каждый сможет различить: где настоящие аффективные вопли, а где военные маневры.

Конечно! Безусловно! Истерический прием не безупречен, он всегда является признаком дипломатического поражения. Его нужно использовать только в самом крайнем случае. Поэтому в нашей семье заведена традиция решать проблемы тихой сапой. И в этом моя свекровь – непревзойденный виртуоз.

Ей очень захотелось развестись с первым мужем, а он никак не соглашался. Суд ей отказал, тогда она и предложила своему первому: «А поезжай-ка ты в Анадырь. Там хорошо! А как устроишься – я к тебе и приеду». Мужчина поехал в Анадырь, за десять тысяч километров. Наша добренькая мамочка писала ему письма и в каждом обещала: «Уже, уже! Скоро, скоро! Выезжаю». Через два года мужчина получил по почте свидетельство о разводе. Он не знал, что наш гуманный суд автоматически разводит супругов, которые не живут вместе более двух лет.

Моя свекровь, конечно, молодец, аплодисменты женщине, но ей пришлось ждать результат два года. А если времени в обрез, истерическая манипуляция – самое то. Долго-временного эффекта не дает, зато срабатывает быстро.

И не только женщины! Мужчины давным-давно используют такие методы убеждения. Мой свекор освоил эти штучки еще в ранней молодости, когда задумал жениться на нашей добренькой мамочке. Его родители были в шоке: разведенка охмурила мальчика. Будущей невестке побили в квартире окна, надеялись, что это поможет. Писали жалобу в обком, невесту хотели привлечь за растление. И тогда наш любезный папочка взял табуретку, резко швырнул ее в ближайшее окошко и зарычал: «Еще одно слово – и я вам тут все окна повыбиваю!» Сработало. Спасибо, папа. А ничего сложного и ничего страшного тут нет, в хорошей истерике все как с алкоголем – главное, не злоупотреблять.

Отсюда делаем простейший вывод: децибелы – не самый главный показатель истерики. Вопли, крики, слезы, битье себя в грудь, попытки кусаться, произвольный смех – все это, конечно, очень интересно. Но часто настоящие истерические приступы проходят в полной тишине, особенно если они как-то связаны с огнем. Когда я сжигала первый тираж своей книги, я не кричала и не визжала, я молча кидала в огонь книжку за книжкой, тысячу

книжек сожгла и не сказала ни слова. Я полагаю, тихая истерика – гораздо более интересная вещь, чем клинические вопли, в таких случаях нервное напряжение нагнетается до такого уровня, что взрыв практически неизбежен. Летальные исходы не исключены.

В то же самое время многие из хронических мелких истеричек, которые спускают пар всю жизнь и понемножку, очень часто разговаривают тихо. «Потише», – они говорят. «Потише» – и ставят брови в скорбный мостик, и лечат, они все время всех лечат, и особенно своих вечно сопливых детей. «Осторожно», «аккуратней», «не шумите», «не бегайте», «не сорите» – они любят все это повторять, им очень нравится наставлять на путь истинный и учить. Что, кстати, и подтверждает случай с розовой кофточкой.

Вы можете меня спросить, почему же я так долго терпела розовую кофточку? Да, я могла бы сразу, как наш папочка, взять стул и моментально убрать помехи из эфира. Но нельзя же! Нельзя, вот так вот сразу. Презумпция невиновности! Я должна была допустить, что розовая кофточка затеяла свой глупый разговор о моих чудесных формах по неведению своему, по простоте душевной, и после небольшой паузы она догадается сменить пластинку. Я досчитала не то что до десяти, я ждала не меньше пяти минут, прежде чем снова вернулась к столу.

Но! Когда я вернулась, розовая кофточка читала толстушкам лекцию о раздельном питании.

– Шестьдесят! – она сообщила всем объем своей талии. – Я слежу за собой, не расслабляюсь, гусятину ни-ни, не ем, и поэтому у меня всегда стабильно – девяносто, шестьдесят, девяносто!

Танечка, именинница, ей похлопала, реденько так, зловеще – хлоп-хлоп-хлоп.

– Ничего сложного. – Кофточка поправила ровную челку. – Главное – считать калории.

Собрание криво поморщилось. Дамы устали, все-таки розовый утомляет глаза. Тем более что у каждой объем талии был как минимум семьдесят, это я так... по-братски предполагаю, а там глядишь, и все восемьдесят, не говоря уже о прочих габаритах.

Я под села к своей тарелке с гусем. Отломилла мягкую булочку, окунула ее в грушевую мякоть – и тут опять в мои окопы запустили ядовитый газ.

– Вот посмотри, – кофточка сказала. – Ира, посмотри. Сейчас у тебя на тарелке больше тысячи калорий!

– Не может быть! – засомневались толстушки.

– А вы посчитайте, – она усмехнулась и принялась у меня на глазах четвертовать моего гуся. – Мясо, жирное – потянет калорий на шестьсот, если не больше...

– Да ну? – удивилась Танечка.

– Да, да, да, а что вы хотели? Гусятину! Сплошной жир! Груши, в меду – тоже не меньше двухсот. Соус... Соус – это вообще смерть фигуре. И еще хлеб! – Кофта улыбнулась, как будто застучала меня с бутылкой у шкафчика. – Вон у тебя булочка лежит! Ага! Ага! А время сейчас уже сколько? Десятый час. А впереди еще торт... И это не считая алкоголя! Один бокал вина – сто пятьдесят калорий, а сколько ты у нас сегодня выпила?

Розовая кофточка торжествовала, как прокурорша на процессе. Я отодвинула гуся. Глотнула винишка. И решила дать ей последний шанс.

– Рыбка моя, – я у нее спросила, – подумай хорошо и скажи, что тебе нужно для счастья? От меня лично?

– Ага! Неприятно! Неприятно! – она обрадовалась. – Это сейчас! А потом ты мне скажешь спасибо! Вот когда будешь секси, как в прошлом году, сама подойдешь ко мне и скажешь «спасибо!». Тебе нужна кетоза. Ты знаешь, что такое кетоза? Волшебная диета! Посмотри на меня, я регулярно сижу на кетозе. Тяжеловато, конечно, не каждая выдержит. А ты соберись! Стисни зубы! Ты тоже быстро приведешь себя в норму, ты начнешь себе нра-

виться, и муж на тебя будет смотреть другими глазами. Да, а ты думаешь, муж не замечает эти твои десять килограмм? Думаешь, он тебя не сравнивает с другими женщинами?

Монолог был слишком длинным, и в моих планах его не было, в моих планах был гусь и торт. Поэтому я встала, это удобнее, когда выступаешь публично. Я встала и превысила уровень шума. Иначе нельзя. Хорошая громкость – необходимое условие для проведения истерической атаки.

Речь была краткой, форма стандартная. Я попросила розовую кофточку представиться и объяснить, с какой целью она посетила этот дом. А потом дала короткий адрес, по которому она может проследовать, чтобы там и читать свои интересные лекции по кетозе.

Именинница зажмурилась и прикрыла ушки. Именинница игриво пугалась при каждом моем слове и с трудом, ох с трудом прятала веселую улыбку. Мужчины услышали с улицы, но входить не решались. Розовая кофточка сидела на прежнем месте, за столом, напротив меня. Она сложила руки крест-накрест, задрала нос и выдвинула подбородок.

– Ирина, – она сказала, – ты очень крутая баба, но ты напоролась на тоже очень крутую бабу!

И тут я поняла: идет война! Война за переправу. Белые на одном берегу стола, красные – на другом. И если я сейчас не начну форсировать Днепр, враг снова пойдет в наступление, тогда война затянется, жертв будет больше... В общем, мне не оставили выбора, пришлось бомбить.

Я бросила в розовую кофточку бокалом – того самого вина, которым она помешала мне насладиться, и на всякий случай усилила бросок словами, одним только словом. И это помогло. Я выбила врага из укрепления.

Розовая кофточка выскочила из-за стола, закричала на меня: «Ты что, истеричка?!» – и побежала в ванную застирывать пятно.

Ну тут, конечно, толстухи начали меня качать. «Победа! – они кричали. – Победа!» Точнее, просто улыбались и с радостью кинулись ставить приборы под торт. Я снова увлеклась гусем и грушами. А девушки хихикали, вполголоса: «Кетоза, кетоза...»

За дверями, где-то в гостиной канючил ребенок, это была дочка розовой кофточки.

– Иди сюда. Ко мне! – розовая кофточка позвала ее из ванной. – Сюда иди! Я сказала!

Именинница снова вздрогнула, дамы вдохнули, выдохнули и опять затянули свою беседу – про детей, про мужей, про рецепты...

Потом свет погас, вспыхнули свечи. Подрожали минутку. Танечка загадала желание и с первого раза потушила все тридцать. Она даже не заметила, что мой сын спер у нее пять свечек.

Я принялась за торт. Влез! А что вы думаете, не влез? Еще как влез. Когда это в меня не влезала «пьяная вишня»?

Мой муж все это время стрелял из арбалета. Он выиграл, он победил, набрал три раза по сто очков и только после этого вернулся к столу. Глаза у него горели спортивным азартом, он мне напомнил сразу всю живопись из цикла «Герои Куликовской битвы». Да, конечно, я была бы рада, если бы муж посмотрел на меня другими глазами. Вот так вот чтоб прям вошел, посмотрел, а глаза-то у него – ой, мама! – другие. Но тут кетозой не отделаешься.

Для того чтобы мой муж посмотрел на меня другими глазами, нужно каким-то образом извлечь у него оригинальные глаза, а вместо них поставить другие. Можно заменить только глаза, можно голову привинтить другую с другими глазами, а можно вообще мужа поменять, и тогда автоматически получишь другие глаза. Но это все сложно, это все колготно, поэтому я от души наелась и стала доброй. Какие есть глаза – такими пусть и смотрит.

Истерику я устроила только на следующий день, я элементарно разоралась в машине, когда мы возвращались домой. Я всегда ору в машине по дороге домой, если мы слишком долго отдыхаем в гостях. Я скучаю, и поэтому меня все раздражает.

Меня раздражают пробки на дороге, я чувствую необъяснимую тревогу в конце воскресенья, мне кажется, что я не все получила от выходных, я вспоминаю гуся, вспоминаю торт, у меня начинаются угрызения совести за то, что я их съела, я вспоминаю арбалет и обижаюсь, что муж стрелял два дня без перерыва... Короче, повод я найду всегда. И начинаю концерт с полпинка, точно так же, как розовая кофточка.

– Твой папа обещал мне подарить бассейн! И где он?

Развитие диалога пересказывать не стоит, заканчивает обычно муж, у него есть стандартная последняя реплика: «Вот только не надо трогать мою маму!»

В этот раз он тоже сказал:

– Не надо трогать мою маму! – и добавил отсебятину: – Истеричка!

И после этого на перекрестке я выскочила из машины и дернулась в аптеку. Купила там коробку легенького успокоительного, но проглотила его демонстративно на улице с таким видом, как будто это о-го-го какое сильное лекарство. Вытерла слезы или сделала вид, что вытираю слезы, это непринципиально. Немного прошлась пешком, слегка пошатываясь, в этот момент я действительно чувствовала сильное головокружение, а муж мой ехал медленно по крайней полосе. Он знал, что я вернусь в машину и начну сюсюкаться «пушистик, пушистик», как будто пять минут назад в машине орала не я, а какая-то другая кофточка.

И как жить, спрашивается? Как жить, если ты истеричка? Да никак! Бери стул, садись за стол и пиши книжку. Вот так меня и осенило нарисовать серию женских портретов – женщина в момент истерической реакции. Я сколотила себе компанию из веселых бабенок, они друг на друга совсем не похожи, но их объединяет одно – хотя бы раз в жизни каждая была истеричкой.

Мадонна в гипсе

1

Лиза выбросилась с балкона сто лет назад. Ей было девятнадцать или двадцать, не помню точно, но это и не важно. Все, похоронили девочку. Какие еще вопросы? Сколько можно сидеть и обсуждать: самоубийство это было или не самоубийство.

Мы, видите ли, сомневаемся. И у нас, разумеется, есть причины. Во-первых, у Лизы был маленький сын, во-вторых, хороший муж и, в-третьих, она не оставила записки. Не удосужилась черкнуть. Но, самое-то главное! Она не умерла. Точнее, умерла, но не сразу. Лиза пришла в сознание и говорила, что не помнит, как сорвалась.

А какое, скажите, нам дело? Какое нам дело до Лизы? Кто мы вообще такие? Мы, по сути, случайные люди, всего лишь несчастные однокурсники и совсем не друзья. На творческих факультетах не бывает друзей. Мы друг друга терпеть не можем и никогда не трудились скрывать свою неприязнь. Нет, наша компания не клубок со змеями, мы – журналисты, для нашей профессии вполне нормально друг друга немножко не любить.

Трагедия случилась в марте, это был очень холодный март високосного, кстати, года. Я помню этот март прекрасно: сквозняки, усталость, «никто меня не любит» – и ничего хорошего. Весна была поздней, солнце являлось с утра до обеда, а к вечеру снова лупили морозы. Все ждали весну, всем казалось, весна что-то изменит, мы раздраженно слушали прогноз погоды и психовали: «Когда же уже, ну когда закончится эта чертова зима?»

Нервишки сдавали у многих, народ ругался, дрался, напивался, но худо-бедно все терпели. А Лиза шагнула с балкона. Асфальт был во льду, пятого этажа оказалось вполне достаточно, чтобы разбиться.

«Насмерть! – кричала какая-то бабка. – Насмерть!» Соседи, которые столпились возле тела, думали, что «Скорая» повезла Лизу в морг. А нет, оказалось, не насмерть. Лизу отвезли в больницу, там она прожила еще месяц.

Весь этот март, пока врачи работали, мы дружно помалкивали. Боялись лишний раз спросить: «Ну? Как там Лиза?» Все вели себя так, как будто Лиза лежит с аппендицитом и переломчик позвоночника у нее совсем-совсем легенький. И я молчала, что-то не позволяло мне открывать рот, я не хотела распугать своим ядовитым языком те силы, которые вытаскивают людей из реанимации.

И потом! Потом, когда Лиза умерла, мы тоже молчали. Похороны обошлись без истерик, без долгих рыданий, мы делали вид, как будто эти похороны не имеют к нам прямого отношения. Какая-то девушка, вроде бы с нашего факультета, когда-то прыгнула с какого-то там этажа...

Сейчас понятно – это был тихий шок, он сопровождал наши первые встречи со смертью. Нам было тогда по восемнадцать, мы еще до конца не поверили, что человек смертен, нас это удивляло, язык немел от удивления.

Но время прошло, и лет через пять всех неожиданно прорвало.

Теперь каждый раз, как только двое или трое из нас попадают за один стол, разговор обязательно выезжает на Лизу. И это странно, это даже пахнет каким-то садизмом – мы заказываем чашку кофе или бокал пива, грызем фисташки, кидаем пару дежурных фраз, и уже перед вторым подходом официанта кто-нибудь начинает вспоминать похороны.

Мы хорошо запомнили эти похороны. Мама подходила к гробу, поправляла Лизе белую косынку, с таким лицом она косынку поправляла, как будто дочь ее лежала не в гробу, а выступала на школьном концерте. Лет десять мы мусолим эти похороны. За это время многое

поменялось в нашей жизни, из дешевых кафе мы пересели в дорогие рестораны, но Лизу таскаем с собой.

Мы роемся в ее трагедии как в собственном шкафу. Нам хочется еще, еще разок потряхнуть ее выдрипистые шляпки, ее зеленые перчатки, в которых узкая ладонь казалась лягушачьей лапкой, а плащ, ее широкий черный плащ летел по лестнице, и наша пыль и грязь к нему не приставала, загадочным каким-то образом... И сумочка! Мы все, оказывается, помним, какая у Лизы была сумочка – лаковая, красная, в ней еле-еле помещалась тетрадь с конспектами, расческа и помада... И каблучки мы помним, Лиза всегда носила шпильки, даже беременная. Ее живот мы тоже в покое не оставляем, он казался большим... «Вы помните, какой огромный был у нее живот?» – «Не такой уж огромный, это только казалось». Лиза была невысокой и хрупкой, со своим животом она была похожа на молоденькую кошку, которая нагуляла в первый раз.

Все это мы перетираем с радостью и даже с наслаждением. И наслаждение от того острее, что эта сада-маза приправлена тонкой горечью. Горькое все чувствуют, но никто не признается. Мы никогда не говорим друг другу, что думаем на самом деле.

2

Большое счастье, что мы встречаемся нечасто, на бегу и почти всегда случайно. Сегодня объявился Бражник. Был у нас такой мальчик, восхищенный и загадочный, ходил все время с книжечкой. «Сто дней Содома» называлась книжка, Маркиз де Сад ребенку нравился. Но обошлось. Сегодня Бражник доктор философии, в Александрийском почему-то университете. В городе оказался проездом, Бражник всегда проездом и, слава богу, редко мне звонит.

– Дорогая моя! – Как ни странно, он был рад меня слышать. – Не прячься, не выдумывай никаких срочных дел, нам обязательно нужно встретиться...

Я хотела сбежать, как раз собиралась придумать срочное дело, но не успела.

– Возможно, ты этого и не заметила, – он сказал, – но третья мировая уже началась, мир катится в очередную пропасть, и кто его знает, свидимся мы еще или нет...

Раз такие дела, то я, конечно, согласилась поболтать. Но перед выездом на всякий случай позвонила Аллочке.

– Бражник в городе, – я ее предупредила. – Зовет на кофе. А я боюсь встречаться тет-а-тет с этим маньяком...

– Не могу говорить, – ответила мне она, – я в офисе. Я ничего не слышу!

Аллочка, если позвонить ей на работу, всегда говорит таким голосом, как будто ей зажали нос прищепкой. Она работает в банке, у них так принято, они там все гундят, и Аллочке требуется некоторое время, чтобы перейти на обычный человеческий тон.

– ...ты, конечно, со своими барскими замашками даже не сможешь себе такого представить, но я тебе сообщаю: мой офис занимает целый этаж, нас тут набили двести человек. Да, вот такой вот у нас крутой банк, что мы все, как овцы, сидим в одном загоне. К твоему сведению, я стою в очереди на принтер уже десять минут, а мой начальник – латентный гомосексуалист, я сегодня в новом платье, а он в упор его не видит. Он хочет, чтобы я в свой единственный выходной пробежала десять километров на банковской спартакиаде.

– Что, правда? – Я не поверила.

– Да, а что ты удивляешься? Что ты сразу стонешь? Это у нас называется новая корпоративная политика. А ты звонишь мне со своими глупостями... Ты вообще в курсе, куда все катится? Человечество попало в офисное рабство...

Аллочка гундела недолго. Она всегда сначала немного погундит, чтобы вернуть себе самоуважение, а потом возьмет и забронирует столик в каком-нибудь скучном, но респектабельном месте.

На этот раз она взяла отдельный кабинет в новом китайском ресторане. Старый центр, швейцар-китаец в костюме тибетского монаха, вид из окна на городской собор, и все официантки в кимоно...

Когда Лиза была жива, мы в такие места не ходили. Все наши гулянки проходили в общаге, иногда прямо на крыше. В теплые дни мальчишки выползали туда с гитарами. Нет, это была не самодеятельность, мы просто немножко пили водку и немножко пели русский рок, тогда он был как раз на пике.

Меня отпевали в громадине храма,
Была я невеста, прекрасная дама...

«ДДТ», «Белая птица», альбом 1996 года. Эту песню часто пел Саня Синицкий. Он считается главным виновником всего, что случилось с Лизой. К нему она рвалась в тот мартовский вечер, а муж не пускал, муж запер ее в квартире, поэтому она и дернулась на бал-

кон. Синицкий в это время отмечал свой день рождения, какая-то левая баба сидела рядом с ним... Он пел, все ту же песню, только уже не для Лизы.

Душа моя рядом летала и пела,
А люди, не веря, смотрели на тело...

Вот так вот.

Мы не любим Синицкого и поэтому во время каждой эксгумации долго-долго его грызем. Но забегать вперед не буду, до Синицкого еще доберутся.

Ресторан «Шанхай» находится рядом с вокзалом, поэтому Бражник приехал сразу с чемоданом. И не таким уж страшным он показался мне маньяком. Он распушился, он где-то хорошо и вкусно питался все эти годы, он стал похож на белого холеного кота. Пальтишко терракот на нем висело непринужденно, на шее вместо бабочки была повязана красная арафатка. Представляю, как он удивился, когда увидел Чернушкину.

Чернушкину никто не приглашал, понятия не имею, как она оказалась у нас за столом. У нее всегда был талант – чутье попой, в нашей профессии это очень ценное качество, и Чернушкиной оно пригодилось. Она сейчас работает в областной Думе, то ли командует пресс-центром, то ли баллотируется... Не знаю точно, я двести лет не видела Чернушкину.

Раньше это была мелкая, очень худая, резкая девушка, которая все время что-то объявляла с кафедры. Последний раз мы с ней случайно встретились через пару дней после нашего выпускного. Чернушкина околачивалась возле Думы.

«Ищу работу», – она сказала. «Какую?» – я спросила. Она и глазом не моргнула, говорит: «В начальство. Хочу в начальство, куда же мне еще идти?»

С тех пор мы не виделись. Но время от времени ко мне на Фейсбук приходят странные посты, Чернушкина вешает умные мысли из какого-то цитатника. Предпочитает классиков, вчера она выдала из Бальзака: «В мире, где все горбаты, стройность считается недостатком». Между классиками проскочило что-то личное: «Я не люблю людей, которые... чего-то там такое из себя...» К чему это все? Не знаю. Возможно, все просто: Чернушкина любит цитаты, но утверждать не берусь.

Мои друзья потешались над китайским меню, лапшичку и уточку им не хотелось, они заказывали «что-нибудь такое», а я немного опаздывала. Застряла в пробке и всего-то в двух шагах, мне нужно было проташиться метров пятьсот вверх по набережной и повернуть к собору, «Шанхай» как раз напротив. С дороги видны и черные купола, и золотые кресты, но ползти до них пришлось минут двадцать. Потом я сделала кружочек вокруг церкви, потому что не могла найти себе парковку. Белая пятерка «БМВ» раскорячилась на два места, но я протиснулась, припарковалась рядом с батюшкой и перешла дорогу. У входа в ресторан стоял переодетый «шаолинец», он поклонился и ударил в гонг.

Полчаса... Обратите внимание, я опоздала всего на полчаса, но за это время мои друзья успели проскочить официальную часть. Никого не парило, что там в Думе, что там в банке, как там у Бражника в Египте... Когда я вошла, они уже обсуждали, как бедная Лиза стояла на балконе.

3

Откуда они могли знать, как она там стояла? Никто не видел, никто не стоял рядом с ней, но все успели пристроить Лизу в свои душещипательные очерки о молодых самоубийцах. Публике нравится душещипательное, и мы стараемся, щипаем.

Мы сочиняли, как нежная хрупкая девочка дрожала на ледяном ветру (действительно, был сильный ветер), как она залезала на стул (мы сомневались, на стул ли она залезала), как посмотрела вниз на мужа, муж в это время вышел из подъезда... Она ему сказала, это слышали свидетели, Лиза предупредила: «Я сейчас прыгну». Она произнесла это спокойно, без визга, только повысила голос, чтобы ее было слышно внизу. «Я сейчас прыгну» – и все, больше она ничего не говорила.

Муж повернулся. Он был уравновешенным человеком, все так и говорили про него – уравновешенный, но именно в эту минуту, когда смотрел на свой балкон, задравши голову, на пятый, он не выдержал. Кто-то, из особо одаренных, уверял, что муж кричал: «Я убью его!» Или: «Я убью тебя!» Но нет, такого он не кричал, это всего лишь наши затертые штампы. На самом деле муж сказал ей: «Истеричка! Истеричка! Истеричка!» У него сорвалось три раза, свидетели сошлись в подсчетах. А потом уже Лиза отпустила руки и полетела.

Все говорят «выбросилась с балкона», но для Лизы это слишком вульгарно. Я всегда говорю «полетела». Когда Лиза шагала в воздух, она хотела вверх, не вниз, а вверх.

Это не совсем понятно с точки зрения бытовой логики, и тяжело поверить, что Лиза вдруг забыла закон земного притяжения. Поэтому Аллочка надо мной каждый раз смеется, когда я говорю «полетела».

– Да! – Я сразу начинаю упираться. – Она забыла! Такое бывает. Бывают в жизни молодой красивой женщины такие ситуации, когда она не помнит ни про какое притяжение...

Я не первый раз пытаюсь объяснить свою версию, но меня все время перебивают. Журналисты любят друг друга перебивать, для нас это нормально. Потому что нам совсем не важно кого-то услышать, никто не хочет слушать – все хотят сказать.

– Никуда она не полетела, начнем с этого, – перебила меня Чернушкина.

– Подождите! – Я еще раз попыталась. – Если человек прыгает с балкона – это не значит, что он хочет умереть...

Мне не дали закончить. Может, оно и к лучшему, конечно.

Чернушкина напирала:

– Девушка выбросилась с балкона с пятого этажа при свидетелях. Как это называется? Стандартное самоубийство. Безусловно, в состоянии аффекта. Разумеется, у Лизы было помутнение. Нормальная женщина никогда...

– Дайте, дайте мне сказать!

Бражник протиснулся, руку вытянул вверх, как в школе, – и сразу пальцами, как связкой колокольчиков, трясти – это его старая привычка.

– У меня был случай, – он спешил сообщить, – представляете? Погнулся ключ от квартиры. А сделать новый я забыл, мне было некогда, и я все думал, завтра, завтра... И вот в один прекрасный день я прихожу домой, вставляю ключ в замок, начинаю поворачивать, и чувствую – сейчас сломается...

– При чем здесь ключ? – не поняла Чернушкина. – Мы говорим про балкон.

– При том, дорогая моя, при том! Я же понимал, что ключ сломается. Нажимаю – не идет, если нажать сильнее – сломается. Это же было очевидно! И ты не поверишь, я его уже почти вытащил, но вдруг в какую-то секунду мою руку как будто кто-то заставил – и я повернул! Знал, говорю же тебе, знал, что ключ сломается, но повернул. Ключ, конечно,

остался в замке. А дело было ночью, в чужом городе... Пришлось бежать куда-то, искать мужика с пилой, подняли шум на весь подъезд...

Аллочка смотрела на Бражника прямо, не отрываясь, и между делом хлопала ресницами. Со стороны могло показаться, что она очень внимательно слушает. На самом деле Аллочка просто хлопает ресницами, она всегда так делала, ресницы у Аллочки длинные и создают иллюзию некой эмоциональной реакции.

– Я все равно не понимаю, – она сказала, – это какая же такая любовь должна на голову свалиться, чтобы женщина превратила себя в Анну Каренину? Взяла – и сиганула из окна?

Вопрос традиционный, и в этом месте, каким бы ни был наш состав, мы дружно начинаем ухмыляться.

– Ох! Да какая ж там любовь!

– Любовь... – я тоже делаю глумливое лицо и обычно добавляю: – едрит твое налево!

– Это с кем? С Санечкой, что ли, любовь? – морщит лобик Чернушкина. – Да он по жизни озабоченный! За кем он только не таскался...

Чернушкиной повезло, она вышла замуж за надежного соратника по партии, с целью продолжения рода и оптимизации народного хозяйства. Любовь и все, что с этой скользкой темой связано, Чернушкину никогда не беспокоило.

А вот Аллочка еще ждала, ждала, бесстыдница, каких-то неожиданных страстей, хотя была чудесно замужем и в отличие от некоторых получала и кофе в постель, и завтрак в постель, и ужин тоже в постель.

Аллочкин муж очень любит готовить и балует ее вкусеньким. Она переедает, толстеет немножко, но в глубине души мечтает, что будут, будут у нее и прыжки в мешках, и бег с препятствиями...

Конечно, в этом она признаваться не стала, и сразу со всеми вместе закивала, и начала оправдываться:

– А я и не сказала, что любовь! Я говорю, «какая уж тут может быть любовь?» Какая уж?!

– Любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда!

Это Чернушкина. Прокукарекала свою любимую цитатку и плечиком, и сразу плечиком задергала. На первом курсе она где-то подцепила этот тезис, и так вот до сих пор не излечилась. Откуда, из каких борделей эта фраза, Чернушкина не выясняла. А меня немножко замутило, когда я снова это все услышала.

– Водички! – я попросила официантку. – Можно мне водички?

– Нет, Лиза, конечно, увлеклась. – Бражник сделал корректировку. – Лиза, безусловно, влюбилась. Я бы лучше сказал – вошла в роль. Вы же знаете, она не сразу поступила к нам на факультет, один год она училась в театральном, и в ней было очень много актерства...

– Я же говорю, – вставила Аллочка, – «Анну Каренину» обчиталась.

– Да! Может быть! Серьезный муж и молоденький любовник – это же такой простенький классический сюжет...

Бражник был знаком с Лизой ближе всех, он, как обычно, захотел нам выдать сразу все и побыстрее, но его перебила Чернушкина.

– Какой был муж! Какой был муж! – она застонала. – Богатый! Высокий! С квартирой...

– Богатый муж! – Бражник усмехнулся. – Дорогая, ты в своем репертуаре! Поверь мне, милочка, Лиза никогда всерьез к деньгам не относилась, и если бы не мать...

– Не трогай маму! – Чернушкина его обрезала. – Мать – святое!

– Вы же помните Лизу! Она была очень легкомысленная, вы все считали ее избалованной дурочкой...

– Ничего мы не считали! – Аллочка начала отворачиваться.

– Да ладно, – он улыбнулся. – Лиза действительно была легкомысленной, но эта легкость ей шла. Вы знаете, мы с ней частенько заходили в книжный, и она, не глядя на цену, покупала очень дорогие книжки. Она всегда так легко расставалась с деньгами...

Я никогда не понимала, как Бражнику удается сочетать финансы с тонкими вещами. В каждую сентиментальную историю он умудряется вставить приход и расход.

– Но если все-таки любовь, то почему... – это у меня вырвалось.

Не знаю, как я могла о таком подумать, какие-то остатки романтизма проскочили.

– Что? – меня переспросили.

– Что-что? Я не расслышал...

– Ничего, – я вовремя спохватилась и снова попросила: – Воды! Воды!

В итоге версию с любовью мы сразу отменяем. Люди мы все травмированные, и нам очень сложно простить третьим лицам малейшую претензию на это чувство.

4

Размазать Синицкого – обязательный пункт в нашем протоколе. Поливать Синицкого всегда приятно, поэтому мы быстро заводимся и начинаем орать.

– Мажор сопливый! – запекает Чернушкина. – Маменькин сынок! Вы в курсе, что он в парикмахерскую ходил каждую неделю? Все чего-то себе ровнял, все ровнял...

– Мне всегда казалось, – Бражник приступает аккуратно, – мне всегда казалось, что в этом человеке есть какая-то подлость...

– А я его недавно видела, – Аллочка заулыбалась. – Он был в черных ботинках! Черные ботинки под белые брюки – такое фу-у-у...

– Дебил! Купил диплом – и тот не смог нормально защитить!

Мне нравится, как Чернушкина ругается. Особенно удачно у нее выходит «Идиот!». «Идиот» она проговаривает по буквам – и сразу глазки у нее идут навывкат. Но я-то! Я ведь тоже живой человек! Я тоже хочу лягнуть Синицкого. Да с удовольствием! И палочку китайскую в ладонь ему, насквозь. Но, к сожалению, я не очень хорошо помню этого человека.

Он рассыпается на мелкие запчасти: блондинчик, слащавенький, темные очки, борсетка, зипповская зажигалка, пару раз пытался мне подкурить... И гитара, гитару я помню. И что любил «ДДТ», и песню, похоронную, которую он часто пел, я тоже запомнила.

Свеча догорела, упало кадило,
Земля, застонав, превращалась в могилу.
Я прыгнула в небо, за смелой синицей,
Теперь я на воле, я белая птица...

«Птица-а-а-а-а-а» – он тянул вполне прилично, как будто резал воздух, а потом выпускал это «а» широко... И все, больше ничего от Синицкого не осталось, поэтому мне трудно сообразить, какую, ну какую статейку ему припать. Я слишком долго думала, Чернушкина меня опередила.

– Фуфло мужик! – она прекрасно справилась. – Когда Лизкин муж его отметелил – ой, мама! Как он сразу перессал...

– Я слышал. – Бражник немножко мнется. – Не знаю, говорить об этом даже или нет...

Бражник всегда немножко помнется, помнется, а потом возьмет и выдаст какую-нибудь невинную похабень.

– Говори! – Мы его подгоняем. – Говори!

– ...есть версия, – он теребит салфеточку, – что Лизу очень привлекал его размер.

– Хьхи!

Аллочка до сих пор хихикает над такими вещами, счастливая, но Бражник говорит вполне серьезно.

– Синицкий был уверен, что он единственный мачо на весь наш курс. Он очень гордился своим размером. Размером своего... – Бражник начал звенеть пальцами, подыскивая слово, – как это сейчас культурно называется?

Я хотела подсказать, он сам выкрутился.

– Органа! – Он сказал и руку вверх, и палец пистолетом. – Я замечал, что в туалете он всегда слишком далеко стоял от писсуара и все вытряхивал, вытряхивал...

– Бражник! – Чернушкина дернула плечиком. – Я ем!

Чернушкина трясет кудряшками и дергает плечом. Это не тик, она всегда так делает, если ей что-то не нравится.

– Да, извини. – Бражник улыбнулся, коварно, еще как коварно. – Я знаю, тебе неприятно. Мне тоже было не очень приятно на него смотреть, когда он там стоял – вытряхивал. Я думаю, он просто хотел лишний раз продемонстрировать...

Бражник надеялся испортить Чернушкиной аппетит. Но это мало кому удастся, аппетит у нее всегда был хороший. Она ела много, быстро и никогда не толстела. Уплела целый тазик черной холодной лапши – и хоть бы что.

– Я ем! – Она повторяла. – Я ем!

– Да, да, прости.

Бражник понимающе кивал, и ладонь, конечно, прижимал к сердцу. Я сразу поняла, теперь он целый вечер будет гнуть свою линию про размер.

– Но я же видел, как девки за ним бегали! То одна рыдала! То другая! Синицкий был в себе очень уверен, он думал, что у него самый большой...

– Бражник, хватит, – Чернушкину слегка подтрясывало. – Ну правда, хватит!

– Да как же ты не понимаешь? Я же не просто так об этом говорю. У них же отношения строились на сексе! А в сексе, милочка моя, если ты не в курсе, любая ерунда может сыграть свою роль...

– Бражник! – Чернушкина потрянула кудряшками. – Тебе давно пора жениться! Ты не тяни, не запускай, надо как-то уже успокоиться, как-то вылечить поскорее все твои детские комплексы...

Бражник сделал наивные глаза, он очень хорошо умеет это делать.

– Да? – он спросил. – Ты так считаешь?

– Точно тебе говорю! Женись, Бражник! Тебя еще можно спасти.

Чернушкина немножко нагрубила, она всегда была резкой. А между прочим, я разглядела у Бражника на пальце интересный камешек. Он носит изумруд в прямоугольной оправе, почти такой же, как у меня. Он тоже сразу же просек мое колечко, взял меня за пальчики и промурчал, что наши камешки от чего-то там такого страшного нас защищают.

5

Лиза и Синицкий – это сочетание мне что-то отдаленно напоминает... Шампанское с водкой скорее всего – смесь дикая, бессмысленная, и химические реакции в этом коктейле проходят так же стремительно. За столом вот это мое тонкое наблюдение звучит немного проще.

– И как же быстро они успели снюхаться! – Аллочка читает мои мысли.

Мы все удивляемся этому обстоятельству и сразу начинаем сопоставлять события, подсчитываем сроки.

– На первом курсе Лиза была беременная, – Аллочка рассуждает, – весной она родила...

– В феврале, – Чернушкина поправила, – я знаю точно, ребенок был февральский.

– Хорошо, в феврале родила, летом каникулы, а осенью она уже с Синицким. Я даже знаю, в какой день...

Аллочка хотела поделиться, но пока она моргала, Бражник прошмыгнул вперед.

– Я помню, помню! – он засуетился. – Я помню странный эпизод... На лекции по философии, нам читали Ницше, – он уточнил, – вы тоже должны эту лекцию помнить!

– Естественно, мы помним, – усмехнулась Чернушкина. – Бражник, даже и не сомневайся.

– Вы все пропускали, а я был на каждой паре...

– Пушистик! – Я его погладила по спинке.

– Это было еще зимой, – он улыбнулся, – у Лизы был уже большой живот, но платья она всегда носила короткие. Она никогда не прятала свои ножки. Вы помните, какие у Лизы были ножки?

Бражник прищурился, хитро, как фокусник, и я увидела, я вместе с ним тоже увидела Лизу и вспомнила ножки.

– Точеные ножки, в черных колготках.

– У нее было платье такого цвета, как шоколад. Из мягкой ткани... – Бражник показывал пальцами, как будто шупал сукно, – ткань похожа на мех. Какая-то чудесная шерсть! Мне все время хотелось потрогать...

– Ангорка, – Аллочка прогундела, – тогда все рынки были завалены китайской ангоркой.

– Наверно...

Бражник закрыл глаза, чтобы лучше вспоминалось, и стал похож на грустного кота.

– И что-то такое летящее на ней всегда висело, платок или палантин... А вы еще все подбегали к ней, я помню, помню, вы просили потрогать живот, чтобы загадать желание. Что вы там загадывали-то? А? Вот дурочки...

– Я не трогала живот, – говорю, – я была в ужасе от живота! Восемнадцать лет – какие дети?

– Ближе к теме! – Чернушкина подстегнула.

– Так вот, рассказываю. На этой лекции Лиза сидела рядом с Синицким. И что удивительно, до этого он никогда не приближался к ней и вдруг садится рядом и сразу начинает ее отвлекать. Я даже знаю, над чем они смеялись! Он рисовал меня с хлыстом, я тогда увлекался Маркизом де Садом, и этот засранец...

– Регламент, Бражник, регламент!

– Да! – Бражник подпрыгнул и засмеялся: – А профессор! Вы помните нашего философа?

– Лысина, очки и свитер, – прогундела Аллочка.

– О! Это был оч-чень талантливый человек! Он любил провокации. На этой лекции он специально переврал цитату из «Заратустры», он сказал: «Женщина – это средство для отдохновения война». И что тут сразу началось! Все девки разорались: «Ницше – фашист!», «Мы никакое не средство»...

Бражник согнулся и начал хихикать, пока еще тихо, пока еще только от предвкушения, но мне уже хотелось, уже хотелось с ним похихотать, только я не могла вспомнить, над чем. На этой паре меня не было, я эту пару проспала.

– Все! – Чернушкина щелкнула пальчиками. – Вспомнила!

– Конечно, ты помнишь, дорогая! Ты же тогда громче всех возмущалась. Как обычно...

– Да что ты говоришь? – По-моему, Чернушкина кокетничала. – Я? Возмущалась?

– Да! – Бражник улыбнулся во весь рот и с великой радостью ей напомнил: – Ты встала и во всю ивановскую заявила: «Меня зовут Любовь Чернушкина! Я не согласна с Ницше!»

Он засмеялся, визгливо, с причитаниями: «Меня зовут Любовь Чернушкина! Я не согласна с Ницше!»

Чернушкина махнула на него рукой и взяла садок, такой небольшой беленький садочек, и с удивлением посмотрела на содержимое. Там были утиные головы. Их разрезали вдоль, симметрично, так, чтобы у каждой половинки остался свой глаз и клюв, череп вскрыли, а есть нужно было мозги, маринованные утиные мозги.

– Это что? – шепнула она. – Кто это заказал?

– Это ты заказала, – хихикнула Аллочка. – Ты сказала: «и что-нибудь мясное».

– Все, все. – Бражник вытер слезы. – И ведь к чему я все это начал?

– Ницше! – я напомнила.

– Да, – он собрался. – Ницше! Так вот, Лиза болтала с Синицким, все уже замолчали, а Лиза засмеялась. Тогда профессор к ней обратился: «Мадемуазель! Мадемуазель в третьем ряду, вы тоже не согласны с Ницше?»...

– Как он угадал! – я перебила, нечаянно. – Лиза и была мадемуазель! Эта шляпка ее... Это ее перо страусиное... Перчаточки зеленые! Как я себе хотела такие же...

– Вот, он и сказал ей: «Мадемуазель», а она встает... Вы помните, как она встала?

– Да! – Чернушкина ответила. – Она сказала: «Воин уже отдохнул!» – и пузом вперед!

– Нет, нет, нет! – Бражник погрозил ей пальцем. – Она не так сказала. Она сказала: «Отчего же? Я согласна с Ницше». А потом встала, повернулась боком и скинула шаль, показала профессору свой живот и говорит ему: «Смотрите, воин уже отдохнул» – вот так она сделала. Актриса...

– И он ей сразу пятерку автоматом, – Аллочка это запомнила. – Говорит ей: «Несите зачетку», а сам аж покраснел!

– Подожди, подожди, слушай! Сейчас будет самое главное!

– Ах, еще только будет!

Чернушкина подстегнула:

– Сокращай, Бражник! Сокращай!

– Да! – Бражник взмахнул рукой, без рук он говорить не может. – Лиза вернулась на свое место, а Синицкий... Он же везде тянул свои лапы! Вы не поверите – он потрогал ее живот! Он спросил ее: «Можно?» – и сразу лапу положил, она даже и не успела ответить, а он сразу к ней всю пятерню! А потом он руку отдернул... Мне показалось, он испугался.

– Ребенок толкнул? – я подумала.

– А я и говорила, – Чернушкина воспряла духом. – Синицкий – страшное ссыкло.

– Я это очень хорошо запомнил! – Бражник торопился. – Мне самому хотелось потрогать, необязательно Лизу, не в этом дело... Мне всегда хотелось так же просто и легко потрогать девушку, но я не мог себе такого позволить, мне казалось это хамством. И вдруг Синицкий... Его рука на животе у Лизы... И она разрешила...

- Нахальство, Бражник, – второе счастье, – Чернушкина опять кого-то процитировала.
- Все говорили, что Синицкий мачо... – Бражник не мог успокоиться. – И я верил во все эти слухи. Да, он сам их распускал, но я-то принимал все за чистую монету! Мне даже сейчас противно, как вспомню его... Стоит в туалете, вытаскивает свой орган...
- Хватит!
- Он мог бы как-то спрятаться, зайти в кабинку... А он всегда у писсуара! Я, честно говоря, не могу сказать, действительно ли там было у него что-то особенное...
- Бражник! – Чернушкина дернула плечиком. – У тебя всегда были какие-то странные эротические фантазии. Ты мне как-то сказал: «Почитай «Сто дней Содома». Я, овца, открыла... Боже мой!
- Это сатира! – он засмеялся. – Это сатира! Дорогая, ты все понимаешь плоско! Чернушкина подставила ему садок с утиными мозгами.
- На, – говорит, – попробуй. Ты любишь у нас все необычное.

6

Мы все любили необычное. Синицкий тоже. Поэтому в тот день после лекций он увязался за Лизой. Они выходили вместе из нашего корпуса в компании ее подружек. Все пошли на остановку, по тропинке через парк. Я тоже двигалась по той тропинке, только немного позади, я слышала, как наши попрыгушки хохотали. День был солнечный, мороз немножко отпустил, лекции кончились, чего ж им было не поржать.

На переходе горел красный, но машин не было, и наши лошади помчались через дорогу, заодно прокатились, как на коньках, по скользкому шоссе. А Лиза осталась. Она дождалась зеленого, а когда загорелся, она сначала посмотрела направо-налево и только после этого пошла, осторожно, как все беременные женщины. Синицкий взял ее под руку, и она облокотилась, но без жеманства, просто потому, что боялась упасть.

А я шла сзади, в трех шагах. Я оказалась случайным свидетелем, точно так же, как все. Слишком маленьким был наш мирок, поэтому мы постоянно сталкивались в узких местах, как машинки на автодроме. Я не знаю, нечаянно это происходило или нам хотелось столкнуться.

Поэтому теперь мы все знаем про Лизу гораздо больше, чем нам положено. Я, например, знаю, что у Лизы на кухне стоял овальный стол и на нем всегда лежало блюдо с зелеными яблоками. Знаю про яблоки, хотя не была у нее на кухне ни разу. Но так уж получилось – за время многолетних дебатов мы обшарили каждый угол в ее квартире, так что теперь мне известно, что кухня была в синем глянце, с немецкой фурнитурой, даже так.

Стены в квартире были отделаны тканью, и если схватишься за косяк, пока снимаешь ботинки, рукой почувствуешь ребристый выпуклый орнамент. В прихожей был постелен мягкий ковролин, так что тапочки Лиза не предлагала. И мягкие игрушки были раскиданы повсюду, их была прорва, и куча маленьких подушек, и мягкий диван – все было мягким у Лизы в квартирке, как будто подсознание ее предупреждало и она заранее старалась подстелить.

На полу в гостиной у дивана лежало нечто шедевральное – белый ковер с высоким ворсом. Мы столько раз про этот ковер трепались, что теперь он мне кажется грязным, слишком часто мы шастали туда-сюда-обратно по этому ковра и по этой судьбе. Да, мы вели себя как папарацци, бесцеремонно топтались и следили. Какие могут быть церемонии, когда нас прет от этой темы?

А Лиза сама виновата, она повсюду нас пускала. Иначе откуда могли мы узнать, что она занималась любовью с Синицким на этом ковре? И даже поза не осталась в тайне, уже на следующий день все были в курсе и шептались с умным видом: «Сумасшедшая, зачем она затащила его к себе?»

Из белого ковра мы сгондобили анекдот, ведь муж пришел, как в анекдоте, чуть раньше, чем обычно. Ничего криминального он не застал, Синицкий и Лиза прощались в прихожей, когда он нажал на звонок. Лиза тут же изобразила сцену: «Синицкий! Не забудь конспекты!» А муж, он, видимо, тоже был немного артистом, муж посмотрел на Синицкого внимательно, как будто специально решил запомнить на всякий случай, и подмигнул ему неожиданно. «Поддруживаешь?» – так он пошутил.

Это было в ноябре, ясным денечком, по морозцу Лиза с Синицким убегали с последней пары через сад, он начинался сразу за нашим факультетом. И я как раз стояла там, немного в стороне, за ветками. Не очень помню имя, с кем целовалась, мне уже неинтересно, а Лизу помню, она смеялась, ее каблучки хрустели на льдинках, в двух шагах от моей яблони.

– Она лежала на спине... – Бражник пытается вспомнить, как будто сам лично все видел. – Она лежала на спине, а Синицкий сел к ней на грудь... Он сам рассказывал об этом,

сначала одному своему другу, потом второму, потом уже не помню, кто мне говорил... Я, как услышал, так сразу и подумал: «Боже мой! Он ведь даже не подлый! Он всего лишь пустой человек! И за что ему так повезло?»

– Бражник, – Чернушкина его перебила, – когда ты женишься? – Она кивнула Аллочке: – Ему жениться пора, а он все сидит, все чего-то вспоминает, вспоминает...

– Это же очень красиво! – Он вдохновился, развел руками и чуть не лег на стол. – Ты представь: белый ковер, он сидит у нее на груди, она не может шевелиться, и его орган упирается ей в губы...

– О боже! – Чернушкина застонала.

– А? – Бражник расцвел. – Ты почувствуй, почувствуй накал. Неужели ты никогда не делала минет в такой позе?

– Бражник! – она ему сказала, с укором, с материнским. – Успокойся! Ты меня знаешь – я бы в жизни не постелила на пол белый ковер.

7

Аллочка потянулась и начала растирать себе шею. У нее хронический офисный остеохондроз, иногда она крутит головой и прислушивается, хрустит у нее внутри или не хрустит.

– Вот вы меня перебили, – она закричала, – а я хотела рассказать, когда у них на самом деле все началось. Все эти сказочки про руку, про живот, это все, Бражник, твои фантазии...

– Я видел! – Бражник обиделся. – Я прекрасно помню, как он положил свою лапу...

– Фантазии, – Аллочка вредничала и медленно вращала головой, – до родов у них ничего не было. Вы не знаете, а я знаю. По-настоящему Синецкий заарканил Лизу в тот день, когда мы все ходили на концерт «Наутилуса»...

– Я не была, – Чернушкина умыла руки.

Она принялось, где-то совсем рядом воняло тухлятиной. Я тоже услышала неприятный запах, но не сразу сообразила, откуда эта вонь.

– На концерте не была, – Чернушкина повторила. – Не люблю Бутусова.

– А я была! – говорю. – Прощальный тур! Кормильцев! «Крылья»! Весь город был заклеен афишами...

– Я помню, я хотел пойти. – Бражник пролез, но сам не знал, зачем, – хотел пойти, но у меня не получилось...

– Ну, во-о-от... – потянулась Аллочка, – а Лиза пошла-а-а.

Аллочка продолжала гимнастику, двигала подбородком вперед и назад, как восточная красавица. И я за ней начала повторять. Дай, думаю, разомну головушку, чтоб время зря не пропадало.

– А после «Нау» все собрались в общаге. Взяли водку и пошли на крышу. Я еще говорила: «На какую крышу? Сейчас дождя ливанет», – но все захотели пить на крыше, там был такой концерт, похлеще «Наутилуса»! Синецкий в этот вечер очень много пел, потому что Гарик не пел...

– А где сейчас Гарик? – Я просто так спросила.

– Откуда я знаю? – Аллочка на секунду задумалась, видимо, в позвонках у нее что-то хрустнуло. – Гарик был в хлам, – она сосредоточилась, – а Синецкий пел. И все время пялился на Лизу...

– Пел он неплохо, – заметил Бражник, – по-моему, неплохо пел...

– Я тебя умоляю!.. – Чернушкина перекосилась.

– Нет, зачем же! У Синецкого был вполне выразительный голос...

– У Сани? Выразительный?

– Нормально пел, – я не хотела отвлекаться и быстро, как стишок, пробубнила: – «На небе вороны, под небом монахи, и я между ними в расшитой рубахе».

– Не знаю я, как он там пел... – Аллочка показала язычок. – Он как завыл «Я белая птица-а-а-а-а», мне чуть плохо не стало. Я сразу поняла, что он выделяется перед Лизой. Поет и смотрит на нее... Поет – и только на нее и смотрит!

Я тоже была на крыше, я слышала голос Синецкого, но смотрела в другую сторону. Пел не только он, другие парни тоже пели. Я слушала не Синецкого, а там одного, черненького, не к ночи будет помянут. Я смотрела, как его руки ложатся на струны, и мне очень нравилось, как этот парень прижимает лады, как он держит, ласкает гитару, мне все это нравилось, я запомнила его руки и поэтому совсем не запомнила Синецкого.

– Что потом? – я спросила. – Что было потом?

– А потом водка кончилась. – Аллочка на меня посмотрела с упреком: как же я, глупая, не могла об этом сама догадаться. – И все пошли вниз, к тебе, пить твою водку и есть твою картошку... Ты жарила картошку, помнишь?

– О, мама! – простонала Чернушкина. – Как я сейчас хочу обычной жареной картошки! Перед ней стояла миска с куриной соломкой, она вытряхивала эту соломку из красного перца и обмывала в уксусе, прежде чем проглотить.

– А Синицкий спустился позже, – продолжила рассказ Аллочка, – через час, я точно не помню. И говорит: «Мне нужно почистить куртку». Он зашел к тебе в ванную...

– Ко мне? – Я удивилась, потому что этого не знала. – Я его не видела.

– Ты ничего никогда не видишь, – махнула рукой Аллочка, – а я видела Синицкого и куртку его видела. Она была грязная, на спине особенно. А я что, дурочка, что ли, совсем? Я что, не поняла, что он свою куртку на крыше стелил? Выглядываю в коридор, а там у нас, в потемках, где лампочки вечно не было, стоит Лиза. И улыбается. У нее глаза тогда были – невменяемые...

– Да! – Бражник выкинул руку. – Да! Однажды в книжном магазине Лиза увидела репродукции Сальвадора Дали. И у нее глаза так зажглись! Моментально зажглись! Я увидел и сразу понял – сейчас пойдет и отвалит за этот альбом кучу денег.

– А ребенок? – Я вспомнила про своих детей и поэтому спросила: – С кем был ребенок?

– С мамой, – сказала Чернушкина, – я точно знаю, ребенок был с матерью. Мать с дитем, мать с кастрюлями, с пеленками, мать с коляской...

– Лиза говорила, – перебил Бражник, – что эта помощь ее очень сильно...

– Мать старалась! – воскликнула Чернушкина. – Мать хотела как лучше. Она откуда знала, что Лиза попрется на крышу? И будет мужу изменять с первым встречным идиотом!

– Какая разница? – я буксанула. – С идиотом – не с идиотом?

Мне, если честно, все это очень быстро надоело. Если бы не окно, точнее, если бы не вид из окна, я бы придумала срочное дело и сбежала. Но вид был чудесный. Собор стоит в парке, а в парке осень, и листья падают, листья кружатся, и белая церковь сквозь эту завесу стоит как в золотом конфетти...

– Что значит «какая разница»? – Чернушкина выкатила очи. – Что значит «какая разница»? У Лизы был муж! Богатый! Высокий! Всё в дом! Я не могу понять, откуда такая безответственность? Какая-то крыша, какой-то Синицкий, ребенок у матери, куртка грязная...

– Да что тут понимать, – Аллочка хмыкнула, – все были пьяные, на крыше грязь, он куртку снял...

– Не понимаю! Я этого всего не понимаю! Я никогда не изменяла мужу!

Чернушкина объявила это так громко, что за стеной, в соседнем кабинете, ей похлопали.

– Хотя предложения поступают регулярно, – добавила она чуть тише.

– Дорогая! – Бражник поймал ее за руку и крепко пожал. – Я восхищен! Передай мои сердечные поздравления своему мужу. Как он, кстати, себя чувствует?

– Он здоров..., – Чернушкина вырвала руку. – Здоров и безмерно счастлив.

– Ну, слава богу! – выдохнул Бражник. – Другой бы на его месте давно умер от такого счастья.

Бражник был очень хорошо знаком с мужем Чернушкиной. И пару лет назад, как обычно, проездом, он зашел поболтать к старому другу. Нет, болтать они начали где-то в кафе, а потом решили продолжить дома. А время было позднее, как водится. Чернушкина ложилась спать, открыла дверь, в халате, в бигудях, уставшая, увидела Бражника и не выдержала, что, в общем, понять несложно.

Потом, конечно, как у нас всегда бывает, ее тирада гневная облетела весь город. «Ты кого сюда привел? – закричала она на мужа. – Мне только Бражника на ночь глядя не хватало! А ну-ка спать! Мне утром на работу».

Бражник убрался, муж вышел за ним. Проводил немножко, по дороге всплакнул, говорил, что женился по глупости, что терпит это все из-за детей, но когда еще они вырастут...

«Не обижайся на нее, – он попросил, – ты же помнишь, она всегда была душой». – «Да, я помню, – ответил Бражник, – только раньше дураки были маленькие, и мы не обращали на них внимания. А теперь они стали большие, и мы уже ничего не можем с ними поделать».

Вот этот вот многозначительный ответ, не без моей, уж извините, помощи, был по городу растиражирован. Но не в личном, да что вы?! Не в личном, а в социальном контексте.

– А ты совсем не изменился, – Чернушкина приюхивалась то ли к Бражнику, то ли к тарелкам. – Тебя как заморозили! Ты все такой же... нимфоман. Пишешь докторскую по садизму?

– А что еще мне остается делать? – улыбнулся Бражник. – Солнце мое, не повезло мне, не сложилось – у кормушки не пристроился...

– Заткнись! – Чернушкина задергалась. – Я не пойму... Откуда так воняет?

Воняло блюдо, фирменное. Говядина в оригинальном соусе. Чернушкина наклонилась к большой тарелке с мясом, занюхнула и очень удивилась. Мясо на вид было вполне приличное, рубленное мелкими кусочками, с кунжутом или еще с какими-то семечками, но соус оказался оригинальным, как просили. Из чего он был сделан, узнать никто не рискнул, но мясо воняло тухлыми потрохами. Чернушкина посмотрела на эту говядину с великим разочарованием.

– Никто не хочет? – спросила она.

8

Я достала сигарету, электронную, втайне надеялась, что у кого-то за столом есть настоящие. Настоящих не было, в последнее время мы все начали усиленно заботиться о своем здоровье. Инстинкт самосохранения, которого раньше у нас как будто и не было, проснулся. Аллочка у нас бегаёт по утрам, Чернушкина больше не пожирает жареные пирожки, Бражник... С ним тоже все в порядке, он надёжно спрятался в университетских аудиториях, от глаза и от порчи.

– Нет, я не верю, что Лиза могла так легко соблазниться этим... – Он снова начал дзынькать пальцами, искал ругательное слово для Синицкого.

– Уродом! – У нас всегда есть заготовки.

– Это не Синицкий соблазнил Лизу. – Бражник соображал на ходу: – Это Лиза сама соблазнила Синицкого! Я вообще подозреваю, что проблемы с мужем у нее начались еще до Синицкого. Она сама мне говорила, что вышла замуж, чтобы побыстрее вырваться от матери...

– Да все так делают, – Аллочка зевнула, – все выходят замуж, потому что надо.

– Может быть, может быть... – Бражник задумался и начал гладить себя по вискам. – Не помню точно, кто мне говорил...

«Не помню точно, кто мне говорил» – это наш обычный заход, мы все так начинаем, перед тем как вывалить что-то конфиденциальное. Только секретов у нас остается все меньше и меньше.

– Я слышал, – сообщил Бражник, – что Лиза сама просила у наших девок ключ от комнаты...

– Я тоже слышала, – говорю, – я давала ей ключ.

Однажды в столовой Лиза подошла к нашим Три-Т, так мы звали трио толстушек. Она спросила: «Девушки, я могу с кем-то из вас договориться? Мне нужна комната, на пару часов...» Девушки, конечно, спросили: «Зачем?». – «Иногда, – объясняла им Лиза, – мне нужно уединиться. Я могу заплатить».

Я сидела за соседним столиком и слышала прекрасно, как центровая из Трех-Т спросила: «Сколько?» Вопрос был задан слишком серьезно, из-под бровей, мне стало смешно, и Лиза тоже засмеялась. «Не знаю, – она ответила, – а сколько нужно?» Девочки думали, мне почему-то стало неудобно за Лизу и за эту центровую жадину, я подошла и отдала свой ключ.

– Я даже не знала, что она встречается с Синицким, если бы знала...

– Вот дура! – Чернушкина расстроилась. – Дура! Прости меня, господи! Она еще и ключ просила!

– Ключ от шестьсот двадцать шестой... – Аллочка поцокала язычком, – она была там не с Синицким...

– А с кем? – Чернушкина схватилась за сердце. – С кем еще?

– Со мной.

Аллочка отвернулась на купола, на листья, на ворон, но было поздно, поздно прятаться, Бражника эта новость моментально возбудила. Он заглянул Аллочке в глаза, поглубже ему хотелось заглянуть.

– А я ведь знал! Я так и знал! Я всегда подозревал, что ты у нас тот еще темный омут.

– Что ты знал? – Она почему-то обиделась. – Это вышло случайно... И всего один раз!

– Случайно! Один раз!

– Да, случайно. Мы поругались с Гариком, и мне захотелось сделать какую-нибудь гадость. А у нас по зарубежке как раз была «Монахиня» Дидро, там была пара эпизодов...

– Прекрасный роман! – пропел Бражник. – Я помню, он на многих произвел впечатление...

– Стоп! Товарищи! – Чернушкина похлопала ладонью по столу. – Стоп! Лиза не была лесбиянкой, это не обсуждается. Имейте совесть!

– Я тоже не была лесбиянкой! – закапризничала Аллочка. – Мне вообще не нравятся женщины! Я ненавижу баб! У нас в отделе одни бабы! Двести баб на одном этаже!

– Подожди, подожди, успокойся... – Бражник, конечно, жаждал деталей. – Расскажи, ты ничего не заметила? Ты что-то узнала про Лизу?

– Я ничего не знаю про Лизу! – Аллочка сразу заважничала. – Я же вам говорю – случайно! После лекций мы вместе зашли в магазин. Лиза сказала, что ей срочно нужно платье, она собиралась с мужем на какой-то банкет. Она этих платьев перемерила десятков, но ничего не купила. Я говорю: «А чего ж мы их тут два часа мерили?» А Лиза сказала, что одежду ей выбирает муж, а без него она не может выбрать, она боится, что ему не понравится...

– Да, да, да... – Бражник что-то припомнил, – мне тоже показалось, что Лиза немного боится мужа. Я зашел к ней однажды, она как раз готовила обед...

Чернушкина толкнула его под локоток:

– Бражник, как ты всегда вовремя заходишь!

– Да, – он отодвинулся, – и что я заметил: Лиза готовила по книжке. У нее был рецепт, у нее даже были весы, и меня это очень удивило. Лиза! И весы? Она же была такая импульсивная, такая небрежная... И вдруг весы? Она готовила лазанью. Нет! Не лазанью, вот эти вот, забыл, как называются, вот эти модные большие макароны...

– Сейчас, сейчас, скажу... – Чернушкина защелкала пальчиками, но вспомнить не смогла.

– И я забыла...

– Да ладно, они у нее все равно развалились. Лиза что-то сделала не так, все превратилось в кашу... И вы представляете, она чуть не заплакала! Она хотела выбросить, все взять и выбросить, а я ей говорю: «Ты что? Глупая, подожди, я все съем»...

– А кто бы сомневался!

– Я съел, да. Вкусно было... – Бражник кивнул Аллочке. – Извини, я тебя перебил.

– Как обычно.

– Да ладно, – Аллочка была не рада, что начала, – я и не собиралась ничего рассказывать.

– Нет, расскажи, расскажи... – Бражник наклонился к ней поближе, на доверительную дистанцию, ушком к носику, – что у вас там было?

– Да ничего у нас не было! Лиза купила лифчик и трусы. Я тоже взяла себе лифон. Мы вместе мерили в одной кабинке. Она мне помогала застегнуть. Она сказала, что ей понравился Дидро, ну и я сказала, что мне тоже понравился. На следующий день она подходит и показывает ключ – от шестьсот двадцать шестой. Мы просто попробовали. И все!

– Как все?! Как все?! Неужели ты ничего не почувствовала?

– Ох, Бражник! – Чернушкина закачалась. – Как же ты любишь! Как же ты у нас любишь всякую похабень!

– Не перебивай! – цыкнул на нее Бражник. – Но как же так? Ведь Лиза! Она же была очень соблазнительной. Мне всегда казалось, что она похожа на маленькую француженку. Да, на маленькую изящную парижаночку. Она была такая грациозная! Вы помните, как она садилась на стул?

– А как она садилась на стул? – удивились мы, мы не знали, что и тут были особенности.

– Да вы что! Она же не просто плюхалась, она сначала чуть ли не танцевала рядом с этим стулом и мягко потом на него приземлялась... Как листик... осенний.

– Как листик! – Аллочка хихикнула.

– Да! – Бражник загорелся. – Да! В ней был избыток женского... Поэтому вы все и говорили, что она легкомысленная, что она глупая...

– Ой, ну хватит уже! – одернула его Чернушкина. – Чего-то мы говорили... Все он помнит, кто что говорил...

– Да, в ней было очень много женственности, – повторил Бражник и посмотрел на Аллочку с упреком, как на провалившуюся экзамен студентку. – И как же ты ничего не почувствовала?

– Бражник! – Аллочка расстроилась, ресницы у нее заработали как вентилятор. – Мне просто захотелось сделать гадость! Я не собиралась менять ориентацию, и Лиза не собиралась...

– И у тебя не было оргазма? – спросил он.

– Вы меня достали со своими оргазмами! – зашумела Чернушкина. – Мне просто дико это все слышать! При чем тут оргазмы? У Лизы была семья! Семья – это не бордель, семья – это опора. У Лизы был муж! Богатый! Порядочный...

– Высокий! – я подсказала.

– Да, – она вдохнула глубже. – И что еще надо было? К чему все это?.. Зачем?! Я не пойму, зачем? Не шалавиться надо было, а заниматься сыном!

– В том то и дело! – Бражник сжал руку в кулак, наверно, захотел придушить Чернушкину. – В том-то и дело! Ты у нас всегда была практичной. Ты все учила наизусть. А Лиза была другой! Лиза была воздушным человеком! Она себя искала! Она пыталась себя понять! Что в этом плохого?

– Ничего. – Чернушкина стряхнула с себя какие-то крошки. – Ничего плохого в этом нет. Если летальный исход тебя не смущает.

– А меня не смущает летальный исход! – Это Аллочка выдала, как всегда неожиданно. – Когда я еду в лифте, я всегда вспоминаю Лизу. У нас в банке большой стеклянный лифт, когда он доезжает до десятого этажа, мне хочется сигануть оттуда к чертовой матери. Только чтобы больше никогда не видеть этот проклятый банк и все эти прилизанные рожи!

Чернушкина шмякнула о стол китайское меню.

– Хочешь оргазмов? – Она почему-то на меня посмотрела. – Так сядь! Подумай! Почитай научную литературу... Почему нужно сразу изменять мужу? Да еще с этим идиотом! В этой вонючей общаге? Почему?

9

Все верно, все верно. Общага и правда была вонючей, особенно когда вьетнамцы жарили тухлую селедку.

Лиза прибегала туда после первой пары. Лекция заканчивалась в девять сорок, в это время я только выползала из своей комнаты. У лифта стоял сонный Гарик, немножко помятый. Мы оба зевали, пешком было лень.

Двери открывались, выходил Синицкий и на ходу забирал у Гарика ключ от комнаты. А Лиза уже бежала, уже взлетала по лестнице, подметала нашу пыль своим плащом, и появлялась в холле, румяная, пролетевшая шесть пролетов... Да, и глаза, я помню, у нее были невменяемые. Возможно, они были просто счастливые, но мы привыкли говорить – невменяемые глаза.

И вот я заходила с Гариком в потертый наш лифток и думала: «Зачем Лиза бежит в эту комнату? Почему так торопится в эти жалкие шестнадцать метров?»

Что было у нее, я не могла представить, что такого интересного было у Лизы в той халупе, прокуренной, серой, где вместо занавески висело шерстяное одеяло, постель была всегда несвежей и грязные носки валялись под кроватью?.. И тараканы, тараканы выползали из-за шкафа на затоптанный паркет... Да, конечно, там был еще и Синицкий... Но я его не помню.

Я не понимала, я и сегодня не могу влюбляться в маленьких закрытых помещениях, для любви мне нужен простор, ландшафт, водоем, кислород... Окурки, вонь, сквозняк – меня все это раздражало, я каждый день хотела побыстрее убежать из этого убожества. А Лиза прибегала, из мягкой тепленькой квартирki, пешком летела на шестой этаж...

Потом, конечно, годочков через десять, до меня дошло. Да, вонь, да, грязь, и теснота, и тараканы, и Синицкий... А что поделаться? Куда нас только не заносят все эти женские метания, все эти бешеные поиски... Мы ведь не знаем, что и где искать, поэтому и кружимся вокруг случайных фонарей. Со стороны это выглядит забавно, иногда напоминает одержимость, чаще примитивный бытовой разврат. Поэтому в нас и швыряют гнилыми яблочками. А нам без разницы. И мне по барабану, и Лизе было наплевать.

– А я вот помню один момент... – Бражник прищурился, – это было на лекции... Кажется, по русской литературе...

Чернушкина его на всякий случай перебила:

– Не вздумай пересказывать лекцию!

– Не буду, – он улыбнулся, – но могу.

И снова заспешил, засуетился, как будто Лиза убегала, как будто образ нужно догонять:

– Она сидела в третьем ряду, а Синицкий выше, в четвертом. И я увидел, как он тянется рукой... Вниз, к ней он потянулся и погладил ее волосы... Он слушал лекцию, смотрел на кафедру, а этот жест, он вышел у него сам по себе, непроизвольно. Он погладил ее осторожно, почти не касаясь... Меня это так удивило, я еще подумал тогда: «Ну, вот откуда, вот откуда у этого жлоба может быть такая спонтанная нежность?!»

– Спонтанная нежность... – я повторила. – Спонтанная нежность... Что-то знакомое...

– Так, не смешите. А то я подавлюсь, – Чернушкина откашлялась. – Дайте мне поесть спокойно. Нежность! Да просто у него стоял с утра – вот и все! Пока стоит – у него нежность, а в морду получил – и как бабушка отчитала!

Чернушка была голодна или мне так казалось, потому что ела она очень быстро. Ей принесли обычный белый рис, и она его пылесосила с тарелочки, зернышко за зернышком, палочки у нее в руках скакали как родные.

– Кушай, кушай, избранница ты наша народная. – Бражник улыбнулся, с восхищением. – Где ж ты палочками так ворочать научилась?

– В Китае, Бражник, в Китае. Мы ж теперь с Китаем дружим, вот мы взяли всей пресс-службой – и в Пекин!

– Самолетом, – он спросил, – или... своим ходом?

Чернушкина его отправила примерно на ту же дистанцию. Аллочка хихикнула, а мне все это было совершенно несмешно. Я смотрела на листья, и у меня не очень получалось. Я пыталась схватиться глазами за какой-то листок, но мое внимание все время уходило от медленной и плавной траектории. Я отвлекалась, начинала смотреть на машины, которые двигались медленно, плотными рядами. В открытом грузовичке стоял медведь, не живой, конечно, большое чучело медведя. Он стоял на задних лапах, а в передних держал большое черное блюдо. Медведь качнулся, когда машина тронулась, и один несчастный пьяненький листок упал к нему на тарелку.

А нежность и правда исчезла. Как только вмешался муж – сразу исчезла нежность. Муж поймал Лизу весной, как раз на Восьмое марта. В честь праздника мы собрались в «стекляшке», была у нас поблизости дешевая кафеха.

Меньше всего в тот вечер я думала про Лизу и про Синецкого. Я купила себе новые сапожки, натянула короткую узкую юбку и бесилась с подружками, тогда у меня были подружки, Натальюшка и Кароян. Мы раз двадцать включали одну и ту же песню и визжали рядом с колонками. «Он уехал прочь на ночной электричке» – вот под эту попсню мы танцевали. Я даже не сразу заметила, когда появился Синецкий. Он приехал позже всех, один, без Лизы, с разбитой рожой. Аллочка завизжала, и мы подошли взглянуть.

Левый глаз был подбит достаточно сильно. Капилляры лопнули, сразу пошел отек, еще не черный, бордовый, с кровью, с грязью... Ужас. И губы тоже были в крови, верхняя треснула. Смотреть было неприятно, чего там рассматривать, я шарахнулась и дальше пошла танцевать.

Аллочка помогла Синецкому умыться, искала в своей косметичке что-то дезинфицирующее. Кто-то крикнул, кажется, Гарик: «Водки! Срочно!» Синецкому налили в стакан и немного капнули на рожу. Никто не спрашивал: «Откуда? Что случилось?» Всем и так было ясно – муж поставил фингал, ничего особенного и неожиданного в этом не было.

За час до того Синецкий ждал Лизу возле дома. Она немножко закопалась, сушила волосы, мокрые после ванны. На улице был холод, мороз ударил небольшой, но ветер поднялся сильный. Я помню хорошо тот ветер, идешь по улице – и он снимает твое пальто. Синецкий постоял на углу, в легкой куртке, замерз и зашел в подъезд.

Лиза накручивала волосы на щетку. Фен гудел, и она не слышала, да и не слушала, что говорил ей муж. Фен гудел на ухо, и до нее долетали только отдельные слова «дом», «свинарник», «выходной», «матери», «привезу», «кино», «заскочу»... Это означало следующее: останься дома, не уходи на ночь глядя, почему тебя тянет в этот свинарник, в кои-то веки у меня выходной, сейчас мотнись к твоей матери, привезу сына, посмотрим кино, в магазин заскочу...

Муж не хотел отпускать, что-то его настораживало, может быть, фен, гудящий слишком долго, может быть, цветочки: на столе рядом с зелеными яблоками появился отвратный букет – мимоза-тюльпаны... Но скорее всего насторожило то, что Лиза убежала из дома в выходной. Поэтому, как только за ней закрылся лифт, муж вышел на лестницу. Он спустился тихо и на первом, в фойе, увидел Лизу и Синецкого. Они целовались.

Эту сцену многие из нас успели подшить в свои статейки по семейной психологии. Кто-то очень талантливый уверял, будто бы Лиза кидалась на мужа и визжала: «Не бей, я

его люблю». И будто бы Сеницкий отвечал: «Бей! Бей меня, я все равно ее люблю». Это, конечно, полная чушь. На самом деле все было гораздо спокойнее. Лизу оттолкнули в сторону, к лифту. Она не мешала, стояла там молча. Муж размахнулся сразу, и Сеницкий упал после первого удара. Он валялся на полу, подняться и отвечать не пытался, только закрывал лицо. Это длилось недолго, вмешались соседи.

Время было не очень удобное, вечером люди возвращались домой, мужчины, все как один, тащили женам мимозы и тюльпаны. Все очень удивились, что их сосед, обычно такой уравновешенный, бьет человека ногами. Соседка с первого этажа спросила Лизу, не нужно ли вызвать милицию. Лиза ответила «не надо». Воплей не было. Разнимать не пришлось. Муж остановился сам. Сеницкий поднялся и вышел из подъезда. Говорили, что он убежал, но нет, он просто вышел, во всяком случае, его никто не догонял.

Это была первая драка, вторая случилась через несколько дней в саду у нашего факультета.

После праздников на занятия Лиза не пришла, но муж приехал в деканат, чтобы забрать ее документы, он сообщил, что она больше не будет с нами учиться. Сеницкий в этот день вел себя как обычно, никакого страха или депрессии заметно не было, хотя точно сказать тяжело, потому что глаза он прятал за темными очками, не хотел пугать людей своим страшным синяком. Глаз заживал долго, Сеницкий ходил в темных очках больше месяца, Лизу уже похоронили, а он все еще не снимал очков.

Муж нашел его в курилке, они отошли в дальний конец сада. Кто-то из наших парней говорил, что в кустах Сеницкого ждали трое, что муж Лизы привел своих друзей... Это было неправдой, к тому же никто из тех, кто развивал эту тему, с Сеницким в сад не выходил. Он вернулся к следующей паре. Видимых повреждений, вроде крови и новых синяков, у него не было.

Сеницкий, вопреки обыкновению, подробностями разговора с мужем не делился, но сразу после этой встречи у него появилась новая девушка. И я не знаю, мне совершенно наплевать, откуда взялась эта новая баба и почему она появилась так быстро. Нашлась поблизости, работала у нас в библиотеке или в буфете, не помню. Я не хотела знать чужую хронику и не собиралась смотреть это шоу, но мне его настойчиво показывали. Сеницкий зажимался с новой дамой на самом видном месте, в нашем холле, у раздевалки, я их часто видела, когда ждала свое пальто.

10

- Он сказал, что ему угрожали пистолетом, – Аллочка очень любит эту версию. Я хотела сказать «Брехня!», но Чернушкина меня опередила.
- Брехня! – она отрезала. – У Лизы в доме не было оружия. Я знаю точно!
- Может, дома и не было, но Синицкий сказал, что ему угрожали.
- Да, да, да. – Бражник вспомнил. – Синицкий говорил про пистолет. Всем, он сразу всем про это говорил, это было на тренинге по психологии...
- Я не была. – Я пропустила этот тренинг, не помню, где меня носило.
- Да, ты опоздала. – Бражник и это зафиксировал. – Нас попросили вспомнить самый тревожный момент своей жизни. И тогда Синицкий сказал, я это слышал своими ушами, он сказал, что однажды он стоял под дулом пистолета и ему было по-настоящему страшно за свою жизнь.
- «Под дулом пистолета»? – Меня немножко замутило, но я зачем-то еще раз повторила: – Неужели так и сказал: «под дулом пистолета»?
- Бражник налил мне водички и с сожалением подтвердил:
- Да. Увы. «Под дулом пистолета», «страшно за свою жизнь»... И еще что-то он выдал... Что-то было еще...
- Непростое решение! – вспомнила Чернушкина. – «Я был вынужден принять непростое решение», вот так он сказал.
- Меня сейчас вырвет, – я отмахнулась салфеткой: – Нет, так нельзя. Нельзя так врать. Врать нужно тоньше, врать нужно спокойнее, с душой нужно врать...
- Аллочка обсасывала маленькую креветку, она это делала не спеша, аккуратно, над тарелкой, чтобы не закапать свой офисный пиджачок.
- А зачем Синицкому врать? – уставилась она на меня. – Тренинг был, когда Лизу уже похоронили, зачем ему было врать после похорон?
- Не было пистолета! – Чернушкина на нее рывкнула. – Я точно знаю! Ему еще повезло, что пистолета не было...
- Но зачем ему врать?
- Потому что он идиот! – У Чернушкиной не было аргументов, зато она оказалась очень настойчивой. – Идиот! – она повторила четко, по буквам.
- Аллочку это не пробивало, она как хлопала ресницами, так и продолжала хлопать.
- А если правда угрожали пистолетом?
- Да как же ты не понимаешь? – начал ей объяснять Бражник. – Синицкого всегда интересовало только общее впечатление. Вот вспомните, ну хоть одну нормальную статью он написал? Ни одной. Зато у него были корочки. «Пресса»! Он проходил бесплатно на концерты с этими корочками. Ни одной рецензии, а на концерты проходил. Всегда у него были брелки от непонятно какой тачки, и вечно он звенит, звенит своим брелком... Да мне противно было наблюдать, как он стоит у писсуара и достает...
- Так, прекрати! – Чернушкина отодвинула свою тарелку.
- Да ты сама бы посмотрела, с какой мордой он это делал! Стоит и на всю ивановскую предъявляет нам свой орган...
- Не говори «орган»! – завизжала она. – Никогда больше не говори орган! Я тебя ненавижу! Меня трясет, когда ты говоришь «орган»!
- А сейчас все говорят «орган», дорогая моя! – Бражник пошевелил пальцами, как будто выпускал коготки. – Раньше говорили по-другому. Раньше у нас было хорошее русское слово, а теперь – все! Всем отрезали! Теперь у нас нет ничего интересного, только органы!

– Так, Бражник, успокойся, – Чернушкина схватилась за стол, – я не хочу с тобой разговаривать. Мы все равно никогда не пойдем друг друга.

– Отчего же, дорогая моя? Я тебя отлично понял, – ласково улынулся Бражник и заявил: – У тебя проблемы с оргазмами! Вы там все, в своей Думе, не кончаете. Вы лезете командовать, потому что власть заменяет вам секс. У вас, наверно, к этому врожденная предрасположенность, поэтому вы туда так и прете, и прете... Вы кончаете от власти! А в постели вы все – бревно!

– Я не бревно! – Чернушкина расстегнула пиджак. – У меня двое детей! В отличие от тебя, Бражник, я замужем пятнадцать лет!

– Да ты ведь так и не открыла!.. – запел Бражник ей, с надрывом. – Ты понимаешь, ты так громко говоришь «Я – мать!», «Я – жена!», потому что ты так и не открыла в себе женщину. Ты полюбуйся, полюбуйся на себя, ну разве ты женщина? Ты – не женщина, Чернушкина, ты – начальство!

– А ты открыл в себе мужчину? – Чернушкина задергалась, пытаясь вылезти из рукавов. – Ты открыл? Извращенец! Ты извращенец, и поэтому ты до сих пор и не женился!

– А может, мы выйдем, – Аллочка пыталась влезть между двух огней, – мы пойдем, а вы тут оставайтесь лаяться?

Бражник усмехнулся, в лучших, в лучших традициях драмтеатра, и снова руку на висок, и грустные глаза, все по науке Бражник сделал.

– Какие вы грубые люди, – он вздохнул, – в этой своей... Дум-ме-э-э. А самое страшное, что и других вы судите по себе...

– Бражник, отстань!

– Чернушкина, дорогая, ты только честно мне скажи, вот честно мне скажи, и я отстану. Ты можешь предположить, может быть, тебе приходило в голову, что все люди разные? Или хотя бы не такие, как ты?

Чернушкина поправила свою рубашку, хорошая рубашечка на ней была, кстати, в полочку, очень даже приятная рубашечка.

– Бражник, – она сказала, – я с тобой согласна. Я с тобой на все сто согласна. Ты – не такой, как мы. А мы – нормальные люди. И для нас, для нормальных русских людей, самое важное – дети.

– Дети? – засюсюкал Бражник.

– Да, дети! – оскалилась Чернушкина. – А все остальное – говно! И мужики, и деньги, и ваше поганое творчество, и твои идиотские оргазмы! Ради ребенка плюнешь на все...

– Блестящая речь! – Бражник хлопнул, и за стеной, в соседнем кабинете, его активно поддержали. – Я все понял, дети – главное. И поэтому ты, дорогая моя, бросила своих детей свекрови и поскакала сломя голову в свою любимую Дум-му-у. В начальство!

– Ради детей! – закричала Чернушкина.

– Конечно! Кто сомневается? Я уже вижу предвыборный слоган! – Бражник вскочил и объявил во все горло: – «Любовь Чернушкина! Ха! Ха! Ха! Ха! Все ради детей!»

– Не ори! – Чернушкина схватила его за пиджак и шепотом объяснила: – Нас могут услышать. Я публичный человек... В городе меня знают... Меня могут узнать...

Бражник согнулся, схватился за живот, стукнулся лбом о столешницу, плечи у него затряслись. Он открывал рот, как подышающая рыба, но все никак не мог расхохотаться. Бражник покраснел и начал задыхаться. А я смотрела в окно на листья.

По тротуару проходили люди, иногда они заглядывали в окно ресторана. Толстый коротышка в светлом плаще посмотрел на меня и обиженно отвернулся, на плече у него сидел кот, они проплыли медленно вдвоем куда-то в направлении вокзала. А листья падали, кружились, и ветер не давал им приземлиться, они летели за толстяком, догоняли. Кот сидел на плече неподвижно, как сфинкс, и внимательно наблюдал за кленовым листочком.

Аллочка мне что-то говорила, кажется, она сказала, что собирается уйти из банка.

– Продержусь до Нового года, а потом уволюсь. Сейчас не могу, сейчас я потеряю бонусы...

Я это слышала, лет пять назад, поэтому не очень проникалась, я все равно ничего не понимаю, про бонусы, про соцпакет.

– А знаешь... – она вздохнула, – иногда я думаю, что Лиза сделала правильно. Она умерла на эмоциях, на волне... Еще неизвестно, что лучше: умереть сразу или медленно, каждый день, убивать в себе женщину...

«Опять «женщину»! – подумала я. – Что-то все как с цепи сорвались, все говорят про какую-то женщину».

– Ты что, убиваешь? – Я ей не верила.

– Ага. – Аллочка опять похлопала ресницами, мне показалось, она их все-таки немножко нарастила.

Я засмеялась, у нас принято смеяться, если хочется жалеть, и поэтому я засмеялась:

– Уолт Дисней представляет. Фильм ужасов для домохозяйек. «Убей в себе женщину или женщина убьет тебя».

Аллочка обиделась, мы все вообще жутко обидчивые, она поджала губы и тоже начала смотреть в окно.

Мимо шагала женщина, высокая брюнетка, в джинсах, лет за сорок. Так вроде бы и симпатичная, но губы у нее были недовольные, уголками вниз. Она несла в руках горшок с большим зеленым кактусом. Ствол у кактуса был длинным, тонким, напоминал по форме... орган. Маленький желтый листок закружился над этим кактусом и зацепился за острую колючку.

11

Аллочка захихикала, и как-то уж слишком подозрительно.

– Кстати, Бражник, – она сказала, – я тебя сейчас, наверное, сильно разочарую, но слухи про орган сильно преувеличены.

– Ой, боже мой, да мне уже давным-давно без разницы, – отмахнулся Бражник, но быстренько переспросил: – А ты откуда знаешь?

– Оттуда, – ответила она.

– Оттуда? – переспросила Чернушкина.

– Да, оттуда! И не надо на меня так смотреть!

– Я не смотрю. – Я правда не смотрела на Аллочку, я смотрела на листья.

– Тьфу! – Чернушкина отшвырнула палки. – Вот не дадут поесть спокойно! Вот просто тьфу! И сказать больше нечего!

Чернушкина как-то слишком уж долго плевалась, а Бражник ссутулился, нос его длинный грустно повис над тарелкой с вонючей говядиной. Эта новость ему показалась невкусной, неприятной.

– Но почему же нечего сказать? – Он посмотрел на Аллочку, жалостливо, как старушка. – Расскажи. Вы же знаете, я правда очень люблю всякую похабень.

– Не рассказывай, – я попросила.

– Да что там рассказывать, – процедила Аллочка. – В конце декабря, уже елки стояли... Синицкий ждал Лизу в комнате у Гарика. Я ждала Гарика, Гарик загулял в редакции... А Лиза не пришла.

– И как потом... – Чернушкина не успела задать свой вопрос.

– Никак потом! – Аллочка на нее рассердилась. – Потом Синицкий попросил, чтобы я не рассказывала Лизе.

Я опять потянулась к воде. Не знаю, от чего меня мутило – я ничего почти не ела, если не считать несчастный маринованный имбирь.

– Разве можно об этом просить? – Мне стало грустно. – Что ж такой невоспитанный мальчик...

– Мальчик! – усмехнулась Чернушкина. – Да какой он мальчик? Он кабан!

– Вот, да! Да, да, да! – Бражник искал нужное слово, он шарил в воздухе руками и повторил: – Кабан! Какое это точное, какое это объемное понятие! Кабан! Простейший живущий кабан! А Лиза была нежная, Лиза была воздушным человеком, она потому и пришла в такой ужас... Ой, как я ее сейчас понимаю!

Бражник все время двигал предметы, свою тарелку, бокал, корытце с соусом, салфетницу, он все переставил, навалился животом на стол и нас к себе поближе собрал под крылья.

– Послушайте, послушайте, что я скажу, – он перешел на шепот, – там, на балконе, к ней пришло осознание. Лиза все поняла! Она-то думала, что вокруг нее мужчины, вокруг нее люди, а рядом оказались одни кабаны! Это же страшно... Страшно!

– Да все мужики такие же точно! – Аллочка стряхнула его руку. – Синицкий – обычный мужик. Чем он мог ее спровоцировать?

– День рожденья! – я наконец-то нашла, что ему предъявить. – Зачем он устроил тот день рожденья?

– Да Лиза замужем была! – Аллочка закричала. – Он ей вообще ничего не должен! Это его было личное дело – устраивать день рожденья или не устраивать! Синицкий не толкал ее с балкона, она сама пошла и сиганула! Потому что Лиза эгоистка! Она это сделала всем назло!

Когда Аллочка сказала «всем назло», я сразу вспомнила историю про аспириин. В последнем классе у нее была короткая связь с мужем старшей сестры. Это он ей объяснил, что все мужчины одинаковы, что отношения могут прерываться и не обязывать.

«Ты поняла?» – он у нее спросил. «Да, поняла», – она согласилась.

После этого Аллочка захотела сделать всем назло. Она выпила несколько пачек аспирина, не знаю, сколько именно. Ей стало плохо, она прибежала к маме: «Мама! Я аспирином отравилась!» Вызвали «Скорую», недельку подержали девочку в больнице и вернули домой. Зачем травилась – спрашивали, но Аллочка никому ничего не рассказала.

В июле, когда солили огурцы, соседка кричала во двор через стежку:

– Девчонки! У вас аспирина нету? А то мне в банки нечего ложить.

– Не-е-ету, – ей отвечали, – у нас аспирина нету. Алка весь выпила.

В июле огурцы закрутили, а в сентябре Аллочка уехала в город, учиться.

Бражник этих тонкостей не знал, поэтому все принял близко к сердцу.

– Как ты можешь? – Он запрыгал, и пальчиками сразу дзынь-дзынь-дзынь. – У Лизы был шок! Болевой шок! У нее разрывалась душа!

– Лиза – истеричка, – Аллочка не шелохнулась. – Истерички всегда играют на публику.

– Какая публика? Какая публика? Она одна стояла на балконе!

– Бражник! – вмешалась Чернушкина. – Что ты мне голову забиваешь? Болевой шок – какой болевой шок?.. Лиза была здорова, она была психически здорова. Могла бы и потерпеть!

– Да, солнце? Ты так уверена? А может быть, как раз в тот момент она и не была здорова? Может быть, у нее был приступ? Всего на несколько минут?

– Извини меня, Бражник, конечно, – Чернушкина как-то странно надулась и покраснела. – Лиза сейчас в гробу перевернется, но я должна сказать... – Она тряхнула головой, по-моему, слишком сильно, и закричала: – Истерика – это не болезнь! Истерика – это безответственность! Без-от-вет-ствен-ность – и никакой не приступ!

Чернушкина говорила «безответственность» четко по слогам, точно так же, как мама ей в детстве внедряла. Это было не очень приятно слушать, как будто по мозгам стучали барабанной палочкой. Зато на пользу, все пошло на пользу, Чернушкина усвоила и выросла ответственной.

Бражник вспотел и стянул с себя свитер.

– Дорогая моя! – Он разозлился. – Открой любой учебник, любой словарь по психологии открой, там для таких, как ты, специально русским языком написано: – «Истерика – это реакция на боль!» Реакция на боль! У Лизы был шок, в таком состоянии она не могла себя контролировать...

– Не верю! – Чернушкина затопала ногами. – Все себя контролируют! Когда надо – все всегда себя контролируют!

И меня захватило, меня заводят чужие вопли, и листья, их плавное кружение не помогает успокоиться, когда кругом шумят. Я тоже влезла в эту свару.

– Никто себя не контролирует! – я закричала. – Все люди бесятся! Психуют все! Не надо делать вид, что это патология! Это вообще нормально, для любого человека: когда тебе больно – орать!.. – Мне не хватило запала, последнее я промямлила: – Или что-нибудь сделать такое быстрее, чтобы эту боль убрать...

– Хорошо! – Чернушкина ответила традиционно, я так и знала, что она так ответит. – Отлично! Тогда давайте все будем прыгать с балконов! Первая пошла – и все за ней! С пятого! С десятого! Чуть что не так, чуть где кольнуло – а мы с балкона!

Бражник прицелился, но поставил стакан на место.

– Опять! Ты опять?! – замахал он на Чернушкину. – Почему ты заранее считаешь всех людей идиотами?

– Все! Вы мне надоели! – Аллочка встала. – Вы все психопаты, я от вас ухожу!

Она сняла с вешалки пальто, оделась, накрутила шарф, взяла сумку и снова села на свое место. А сумочку положила на коленки, у Аллочки была маленькая красная сумочка, из кармашка торчали тонкие кожаные перчатки, зеленые, как у Лизы.

12

Нас всегда заносит, когда мы говорим про Лизу. Мы не можем заткнуться, потому что каждый решает с помощью Лизы свои личные проблемы. Все вешают на Лизу своих же собственных собак. А что там было на самом деле на балконе в тот вечер, когда она решилась прыгнуть, никто никогда не узнает.

На что смотрела, о чем подумала в последнюю минуту, какой был пульс, как дышала, как шагнула – мы не знаем. Одни догадки, одни предположения. И, разумеется, как и положено у журналистов, мы успели оформить все догадки письменно, мы все пришпандорили в свои душераздирающие эссе. Публика любит душераздирающее, и мы стараемся, раздираем.

Самые гениальные из нас притащили в этот страшный эпизод знаменитый белый ковер. Придумали, будто бы Лиза каталась на этом ковре и кричала мужу: «Отпусти меня к нему! Я тебя ненавижу!» Это вздор, Лиза не валялась на ковре, она его как раз таки чистила.

За полчаса до своего прыжка с балкона Лиза чистила ковер. Каким-то средством для белой шерсти, макала щетку в таз с пеной и натирала против ворса каждый сантиметр. И муж не бегал по квартире с пистолетом, никакого пистолета в доме не было. Муж сидел на диване, он включил телевизор и пытался смотреть.

Да, можно утверждать, что оба были в напряжении. Муж все время менял программы и не мог остановиться ни на одном из ста каналов. Лиза терла ковер, очень тщательно, ковер был чистейшим, как потом заметили. Напряжение было, с этим никто и не спорит, но никаких воплей и криков в этот вечер соседи не слышали.

Лиза молчала до тех пор, пока не закончила уборку. Она отнесла на кухню таз, вымыла руки, сделала чай и вернулась к дивану. Муж щелкал пультом, менял, менял, менял каналы, а Лиза пила чай и наблюдала, как на экране прыгают картинки. Она отнесла свою кружку на кухню, помыла, поставила в шкаф, вернулась в зал и только после этого спросила мужа: «Отпустишь меня на часок? Ладно?»

Да, Лиза просилась к Синицкому. Ей было известно, что он отмечает свой день рождения в общаге, у Гарика в комнате, и что новая баба пойдет вместе с ним, и что он носит темные очки – все это Лиза знала, подружек у нее было достаточно.

Она пыталась объяснить, зачем ей это нужно. Говорила – чтобы проститься, говорила, что хочет посмотреть на все на это другими глазами, она избегала называть имя, не говорила «Синицкий», не говорила «Саня», говорила «На все на это». Лиза просила у мужа один час, чтобы съездить туда и обратно, и обещала, что быстро вернется и больше уже никогда не вспомнит. Она обещала, что начнет новую жизнь, и все будет теперь по-другому, ведь она согласилась уйти с факультета и порвать с нашей нездоровой компанией. Лиза обещала посидеть дома с ребенком целый год, а может быть два, и второго родить как можно быстрее тоже обещала...

Должно быть, это выглядело мерзко, жестоко. Но что поделать? Это набор стандартных женских обещаний. Лиза выпрашивала свой жалкий часок как наркоманка. Муж понимал, она готова обещать что угодно, лишь бы только получить свою последнюю дозу. Он не пустил ее к Синицкому, конечно. Не слушал, не смотрел на нее, молчал, давил на кнопки, картинки мельтешили у него перед глазами... Потом, когда он искал жену в морге, его спросили, во что она была одета. Он не смог вспомнить.

Муж вышел из квартиры и еще точно не знал, куда пойдет. Сначала просто захотелось убежать, вырваться на воздух, но потом он действительно отправился к теще за сыном. А Лизу запер на два замка, на верхний сложный, длинным ребристым ключом, и на нижний,

попроще, маленьким плоским. Лиза стояла за дверью и слушала, как щелкнули заглушки, открылся лифт, кабина поехала вниз... Тогда она и выскочила на балкон.

Это была ее главная ошибка. Да, всего лишь. Тот, кто выпил яд, чаще всего успевает вызвать «Скорую», тот, кто решил утопиться, – начинает активно работать лапами, тот, кто порезал вены, – успевает вылезти из ванны, а Лиза шагнула с пятого этажа, у нее просто не осталось шансов взлететь на свой балкон обратно.

Кто-то самый одаренный из нас написал, что она упала прямо под ноги мужу. Нет, это грубое вранье. Лиза прыгнула не сразу, сначала позвала... Она позвала мужа и попросила, чтобы он выпустил ее из квартиры. «Выпусти меня», – она русским языком это сказала. Муж не ответил, остановился, обернулся, но ответить не смог. Слишком сильно были натянуты нервы, молчать было трудно, но говорить было еще труднее.

Эта тишина, эта вечная мужская тишина, вывела Лизу из равновесия, она вскочила на стул и крикнула: «Я сейчас прыгну». Да, крикнула, но не прыгнула. Она стояла на стуле, держалась за раму, двумя руками, и снизу в проеме окна был виден темный маленький силуэт.

После этого муж закричал на нее – то, что все свидетели услышали. «Истеричка! Истеричка! Истеричка!» – он со слезами, с кровью это выплюнул и сразу сел в такси, в первое, случайное, из тех, что дежурили во дворе на парковке. Он уехал, а Лиза еще немного постояла.

В сумерках, вечером, с высоты пятого этажа никто ее лица не видел, и даже те свидетели, которые слышали голос, не смогли сказать, как она выглядела. Были слезы – не были, покраснела она или побледнела, замерзла она на ветру или ее кинуло в жар... Никто не знает, что страшного могло произойти за две минуты в ее сознании. Все говорят только о том, что видели: когда такси отъехало, Лиза упала на асфальт.

И сразу, сразу после этого полета, начались вопросы. Как она могла? Как вообще такое могло случиться? И почему? Почему?..

А потому!

Потому что не надо стоять у открытых балконов! Не стоит курить у низких перил, нельзя подниматься на отвесные скалы и залезать на крышу тоже нельзя в тот момент, когда нервы могут подвести. Это обычное правило безопасности, почему-то его не вешают в виде таблички рядом с пожарным щитом. Нас учат с детства, как переходить дорогу. «Налево-направо посмотри» – это мы запомнили. «Не стой на рельсах, а то получится «Анна Каренина» – это тоже вошло в сознание, а по поводу высоты никто не предупредил. Каждый год в нашем городе разбивалось человек по двадцать, но нигде, ни в одной газете не пропечатали: «Люди, пребывание вблизи открытых балконов в возбужденном состоянии опасно для вашей жизни».

О том, что Лиза в больнице, нам сообщила Чернушкина. Она вышла к доске, поднялась на кафедру, кутаясь в шарфик, как обычно зимой она кутала свои колючие плечи. «Ребята! Ребята! У меня объявление», – она звала нас, но мы не слушали, мы собирались домой и шумели. Чернушкина откашлялась и закричала громче: «Ребята! Наша Лиза в реанимации! Лиза в ре-а-ни-ма-ци-и!»

– Да! – Бражник ей это сейчас припомнил. – Ты залезла на кафедру! Вот скажи, почему ты всегда лезла на кафедру? Почему ты не могла встать просто у доски или у стола – и нормально сказать... Откуда у тебя этот поставленный голос?

– А потому что вы вечно орали! Вы не слушали мое объявление!

– Да ты задолбала всех своими объявлениями! Ты все время лезла на трибуну, и ведь какая упорная – ты влезла, и теперь тебя оттуда не снимешь!

– А ты вообще в курсе, что я звонила в больницу? Я волновалась! Спрашивала о состоянии... Я матери звонила! А вы все побежали жрать! Курить и жрать вы побежали...

Бражник потянул воротник на рубашке, ему было жарко, он хотел расстегнуться и никак не мог ухватить маленькую пуговку. У Бражника выросли руки, я заметила, раньше его пальцы были тонкими и длинными, а теперь они большие и мягкие.

– Да, я купил котлету, – он сказал, – но я был в таком состоянии... Ты понимаешь, я был как под наркозом. Вот обкололи зуб, и я хожу и жду, когда наркоз закончится...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.